Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Коллонтай.

НОВАЯ МОРАЛЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС.

I. Новая женщина.
II. Любовь и новая мораль.
III. Отношение между полами и классовая борьба.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного
Комитета Советов Р., К. и К. Депутатов.
МОСКВА—1919.

К371

185
23

Типография „СИНЕМА". Москва, Тверская, 29.

НОВАЯ ЖЕНЩИНА.

I

Кто такая новая женщина? Существует ли она? Не есть ли это плод творческой фантазии новейших беллетристов, ищущих сенсационных новинок?

Оглянитесь кругом, присмотритесь, задумайтесь, и вы убедитесь,—новая женщина—она есть, она существует. Вы ее ужэ знаете, вы уже привыкли встречаться с нею в жизни на всех ступенях социальной лестницы, от работницы до служительницы науки, от скромной конторщицы до яркой представительницы свободного искусства. И что всего поразительнее: вы гораздо чаще наталкиваетесь на новую женщину в жизни и только за последние годы начинаете все чаще и чаще узнавать ее облик в героинях изящной литературы. Жизнь десятилетиями тяжелым молотом жизненной необходимости выковала женщину с новым психологическим складом, с новыми запросами, с новыми эмоциями, а литература все еще рисовала женщину былого, воспроизводила отживающий, ускользающий в прошлое тип. Какие яркие образы нарождающейся женщины-человека давала русская действительность в 70—80-х годах! Но писатели шли мимо них, они их не чувствовали, не слышали, не схватывали, не отличали... Своей мягкой кистью чуть коснулся их Тургенев, но и у него эти образы тусклее, беднее действительности. Только в своей поэме, стихотворении в прозе, посвященной русской девушке, обнажил Тургенев голову перед трогательным образом той, которая посмела переступить заветный порог...

За подвижницами, имена которых запечатлены на страницах истории, следовала длинная вереница «безымянных»... Они гибли, как пчелы в потревоженном улье... Их трупами усеяна скалистая дорога в заветное, желанное, жданное будущее... Число их росло, умножалось с каждым годом. Но беллетристы, писатели продолжали шагать мимо них, с тугой повязкой на глазах. Как-будто изощренный на привычных женских образах, взор писателя не в силах был вобрать, усвоить и запечатлеть это новое. Беллетристика, совершенствовавшаяся, развивавшаяся, искавшая новых путей, новых красок и слов, про-

должала упорно выводить обманутых, покинутых, страдающих слабых созданий, мстительных жен, очаровательных хищниц, безвольных «непонятых натур», чистых, бесцветных, милых девушек...

Флобер писал «Madame Bovary» в то время, когда рядом с ним, в плоти и крови, жила, страдала и утверждала свое человеческое и женское «я» такая яркая провозвестница нарождавшегося нового женского типа, какой являлась Жорж-Санд [1]).

Толстой разбирался в эмоциональной, суженной вековым порабощением женщины психике Анны Карениной, любовался милой, безвредной Китти, играл темпераментной натурой самочки Наташи Ростовой в то время, когда безжалостная действительность туго скручивала руки все растущему, все увеличивающемуся числу женщин-людей... Даже самые крупные таланты девятнадцатого века не ощутили надобности заменить чарующую женственность своих героинь свойствами, отмечавшими грядущую новую женщину. И только литература последних десяти—пятнадцати лет, только новейшие писатели, и особенно писательницы, уже не могли обойти нарождающийся, выявляющийся тип, не могли не запечатлеть их на страницах своих новых творений.

Теперь этот тип становится уже не сенсационной новинкой, теперь вы встретите его не только в «передовом» романе à thèse, разрешающем одну из современных многосложных проблем, но и в скромном, беспретенциозном бытовом рассказе.

Само собой разумеется, что тип «новой женщины» варьирует от страны к стране, что принадлежность к тому или иному социальному слою кладет на него свой особый отпечаток, что психологический облик героини, ее устремления, жизненные задачи могут значительно разниться между собою. Но как ни разнообразны эти новые героини, мы узнаем в них что-то общее, «видовое», что сейчас же позволяет нам отмежевать их от женщины прошлого. Те по-иному воспринимали мир, те по-иному реагировали, отзывались на жизнь. Не надо обладать ни особыми историческими, ни литературными познаниями, чтобы распознать лицо новой женщины в густой толпе обступивших ее женщин прошлого. В чем это

---

[1]) В свое время Катерина Крестовского (псевдоним) считалась типом прогрессивным; но когда мы теперь перелистываем „Большую Медведицу", то убеждаемся, что бунт Катерины—это не столько борьба за свое право, сколько протест самобытной, непокорной натуры. Нет уверенности, что при благоприятном исходе романа Катерина все-таки пойдет „учить народ": для нее служение народу не непреоборимая внутренняя потребность, а скорее „искупительная жертва" пробудившейся дворянской совести. Отец ушел в монастырь, дочь пошла в народ.

Что касается Верочки Чернышевского в „Что делать?"—то схематичность, надуманность этого образа не позволяли видеть в нем литературный, а тем более жизненный тип. Верочка—не „сущее", а лишь „должное".

новое, в чем разница, мы не всегда отдаем себе отчет. Ясно одно: где-то в подсознательной области у нас уже создался свой критерий, с помощью которого мы классифицируем, определяем женские типы.

Кто же такие эти новые женщины? Это не «чистые», милые девушки, роман которых обрывался с благополучным замужеством, это и не жены, страдающие от измены мужа или сами повинные в адюльтере, это и не старые девы, оплакивающие неудачную любовь своей юности, это и не «жрицы любви», жертвы печальных условий жизни или собственной «порочной» натуры. Нет, это какой-то новый, «пятый» тип героинь, незнакомый ранее, героинь с самостоятельными запросами на жизнь, героинь, утверждающих свою личность, героинь, протестующих против всестороннего порабощения женщины в государстве, в семье, в обществе, героинь, борющихся за свои права, как представительницы пола. «Холостые женщины»—так все чаще и чаще определяют этот тип. «Die junggesellinen»...

Основным женским типом близкого прошлого была «жена», женщина-резонатор, придаток мужчины, его дополнение. Холостая женщина менее всего «резонатор», она перестала быть простым отражением мужчины. Холостая женщина обладает самоценным внутренним миром, живет интересами общечеловека, она внешне независима и внутренно самостоятельна. Двадцать лет тому назад такое определение ничего бы не говорило ни уму, ни сердцу. Девица, мать, просто «синий чулок», любовница или светская львица в роде Элен Куракин—все это были понятия ясные, ходкие; но холостая женщина,—ей не было места ни в литературе, ни в жизни. Когда в истории попадались женщины с чертами, напоминающими современную героиню, эти случайные отклонения от нормы рассматривались как психологический феномен.

Но жизнь не стоит на месте, а колесо истории, вращающееся во все ускоряющемся темпе, заставляет уже людей одного и того же поколения вмещать новые понятия, обогащать свой лексикон новыми определениями. Новая, холостая женщина, о которой наши бабушки и даже наши матушки не имели представления,—она существует, она реальное, жизненное явление.

Новые, холостые женщины—это миллионы закутанных в серые одежды фигур, что нескончаемой вереницей тянутся из рабочих кварталов на заводы и фабрики, к станциям круговых дорог и трамваев в тот предрассветный час, когда утренние зори еще борются с ночною тьмою... Холостые женщины—это те десятки тысяч молодых или уже увядающих девушек, что в больших городах ютятся в своих одиноких комнатах-клетушках, увеличивая собою статистику «односемейных» хозяйств. Это те самые девушки, женщины, что ведут непрерыв-

ную глухую борьбу за жизнь, что просиживают дни за конторским столом, что стучат на телеграфных аппаратах, что стоят за магазинным прилавком. Холостые женщины—это девушки со свежей душой и головой, полной смелых мечтаний и планов, что стучатся в храмы наук и искусства, что деловитой, мужской походкой обивают тротуары в поисках грошового урока, случайной переписки... Холостую женщину вы увидите сидящею за письменным столом, заканчивающею опыт в лаборатории, роющеюся в архивных материалах, спешащею на больничную практику, готовящею речь для политического выступления.

Как не похожи эти образы на героинь недавнего прошлого, на обаятельных, трогательных женщин Тургенева, Чехова, на героинь Зола, Мапассана, на безлично-добродетельные женские типы литературы немецкой и английской даже 80-х и начала 90-х годов! Жизнь творит новых женщин,—литература их отражает.

Длинной пестрой лентой разворачивается перед нами недавно начавшееся шествие героинь нового женского облика. Впереди, расчищая густые, колючие заросли терновника современной действительности, идет своей спокойной, гордой, решительной поступью работница Матильда [1])... Терновник жизни до крови ранит руки, ноги ее, терзает ей грудь... Но недрогнет уже это окаменевшее, закалившееся в горе и муках лицо, лишь глубже врезаются горькие складки у рта, лишь холоднее блеск ее непреклонно-гордого взора. Новое горе, искра радости—редкая залетная гостья в рабочей среде—проходят мимо, не задевая ее... Матильда стоит на горе, гордая, непоколебимая, непреклонная, закутанная в серую шаль... Статуя печали. Но глаза ее устремлены в неведомое,—она видит «будущее», она верит в него... Закаленная в ранних схватках с жизнью, пришла Матильда в город. Свежесть, юность, здоровье били в ней ключом. Постучалась у фабричных ворот и вошла в мастерскую. Кирпичное чудовище поглотило еще одну жертву. Но Матильда не боится жизни. Уверенно и гордо переступает она через капканы, что, издеваясь над одиноко бредущей девушкой, ставит ей судьба. Житейская грязь и пошлость не прилипают к ее опрятным одеждам. Матильда непоколебимо, в наивном неведении, несет через жизнь свое ясное, чистое человеческое «я». Она только «одинокая, бедная фабричная девушка», но она горда тем, что она такая, как она «есть», она горда своей внутренней силой, тем, что она сама по себе. Первая нежная, ясная, как сама молодость, привязанность, первая радость материнства... Первое ощущение любовной зависимости, робкий «бунт» за былую свободу... Потом волна новой, горячей, как лето, страсти... Страдания, муки любви,

[1]) Роман Карла Гауптмана „Матильда".

томление, боль, разочарование, и снова материнство, и снова одиночество... Но не покинутая, «погибшая» девушка, не жалкое, придавленное созданье стоит перед нами,—нет, гордая, одинокая, замкнувшаяся в себе мать-человек. Растет, крепнет личность Матильды, и каждая новая боль, каждая новая страница жизни лишь отчетливее выявляют в ней ее сильное, непоколебимое «я».

Рядом с Матильдою, мягко ступая своими загорелыми, потрескавшимися от жары и непогоды босыми ногами, бредет рязанская уроженка Татьяна («Записки прохожего», М. Горький). Ходит с такими же бесприютными, как она сама, бездомными... «Кусок меди в куче обломков старого, изъеденного ржавчиной железа»... Сегодня занята в Майкопе, в период косовицы, завтра бредет на Дон с партией случайных товарищей... Где почуют заработок, туда и тянутся люди.

С ними и Татьяна. Свободная, как ветер, одинокая, как ковыль степной. Никому не дорогая. Некому постоять за нее. С глазу на глаз, грудь с грудью ведет она непрерывную, неустанную борьбу с судьбою... Треплет, не жалеет ее судьба, не ласкова она, сурова к холостым женщинам, подобным Татьяне или Матильде... Но не гнется Татьяна под ударами бича жизни, долго не гнется, носит в душе своей мечту затаенную, снится ей земляное, незатейливо-ясное, как безветренный летний день, будущее... Ходит по свету и ищет своего счастья... А оно, точно издеваясь над Татьяной, уплывает все дальше и дальше... И только крохи мимолетных земных радостей подбирает жадная до жизни, вся настороженная, вдумчиво-ласковая Татьяна-рязанская.

Растрогал душу ее проходящий, заплакала, загорелась и отдалась ему просто, правдиво, как отдаются, вырывая у жизни свои маленькие земные радости, одинокие, «холостые» поневоле женщины, кочевницы-работницы. Но жизни своей с проходящим связать не захотела: «Не годится это мне... не согласна! Кабы ты крестьянин был, а так, что толку? Одним часом жизни не меряют, а годами»...

И ушла, тихо улыбнувшись ему на прощанье, ушла искать своего задуманного счастья-мечту, ушла, унося с собою думу свою, будто одна она на земле и будто все надобно ей одной устроить по-новому...

Идут Матильда и Татьяна, раздирают терновники жизни, прочищают руками и грудью своею новую дорогу к желанному будущему... А за ними толпятся, спешат вступить на новопроложенный путь новые женщины других социальных слоев. И их цепляют, ранят оставшиеся ветки колючего терновника, и их ноги, непривычные к хождению по острым камням, покрыты запекшимися ранами и по их следам бегут красные струйки крови... Но остановиться нельзя: тесной, непрерывной вереницей прибывают все новые и новые на проложен-

ный путь и все шире становится дорога... Горе ослабевшей!.. Горе обессилевшей!.. Горе оглянувшейся назад, в уходящую даль прошлого!.. Ее столкнут с дороги тесные ряды спешащих вперед... И с поникшей головою, в сторонке от новой дороги побредет ослабевшая, оглянувшаяся на серый замок прошлого рабства... В густой толпе идущих по новому пути женских образов мы узнаем героинь всех национальностей, всех общественных слоев. Впереди вырисовывается красочная фигура артистки Магды [1]), этой гордой своим искусством, своим достижением девушки-женщины, с ея дерзновенным для женщины девизом: «Я—это я, и только через себя я стала такая, какая я есть». Магда переступила через традиции бюргерского дома провинциального городка, она бросила перчатку в лицо буржуазной морали. Но гордо стоит она, «согрешившая», в доме родительском, у себя на «родине». Магда знает цену своей личности и непреклонно защищает свое право быть такой, как она есть. «Перерасти свой грех—это ценнее той чистоты, что вы здесь проповедуете».

Решительно выступает на новую дорогу смелая, умная, яркая девушка Ольга [2]). Она вырвалась из старозаветной еврейской семьи и, преодолев ряд жизненных препятствий, попала в водоворот жизни большого европейского города. Ее приобщают к избранному кружку интеллектуальных «сливок общества», пестро разворачивается перед ней жизнь культурно-капиталистического центра. Борьба за жизнь, борьба с интеллигентской безработицей, борьба за утверждение себя, как человека и как женщины. Ольга живет так, как живут тысячи девушек-интеллигенток в большом культурном городе,—одинокой, трудовой жизнью. Ольга не боится жизни и смело требует у судьбы своей доли личного счастья. Тот, кого любит Ольга,—и близок и далек ей. Их жизненные пути временно скрещиваются. Основать общую жизнь—это не в интересах обоих. Любовь—лишь полоса в их богатой переживаниями жизни. Страсть тухнет, гаснет,—отмирает и любовь. Они расходятся. И опять перед нами не слабая, жалкая, покинутая девушка, но человек, испивший из чаши, в которой вино было смешано с оцтом. Ольга сильнее своего избранника. В минуту несчастья, даже любовного горя, он бежит к Ольге, как к единственно верному другу... В сложной, богатой переживаниями и борьбой жизни Ольги любовный роман—лишь привходящий «эпизод»...

В толпе новых женщин, величаво подняв свою красивую голову, уверенно ступает женщина-врач Лансовело [3]), типичная холостая женщина. Ее жизнь—наука и врачебная практи-

---

[1]) Зудерман—„Родина".
[2]) Грета Майзель Хасс—„Интеллигенция".
[3]) Колетт Ивер—„Принцессы наук".

ка. Ее храм и дом одновременно—клинические залы. Среди коллег-мужчин она завоевала признание и почтение; мягко, но упорно отклоняет она всякие матримониальные попытки с их стороны. Для любимого дела, без которого она не могла бы жить и дышать, ей нужны ее свобода, ее одиночество. Строгие одежды, размеренная жизнь по часам, борьба за практику, торжество самолюбия при победе ее над диагнозом коллеги... На читателя уже веет холодом от образа «эмансипированной женщины». Но, как бы в случайно подсмотренной сцене, он вдруг узнает докторшу совсем с другой стороны. Каникулы—и она со своим «другом», тоже врачом, отдыхает на лоне природы. Здесь—она женщина, здесь царит ее женское «я». Воздушные, светлые одежды, радостный смех... Она не скрывает своей «связи», и если не живет со своим другом в Париже, то только потому, что так им, коллегам, «удобнее»...

Перегоняя величавую докторшу, несется, спешит горячая Тереза [1]), вся огонь, вся стремление. Она—австрийская социалистка, пламенная агитаторша. Побывала в тюрьме. С головой ушла в партийную работу. Но когда волна страсти захлестывает и ее, она не отрекается от блеснувшей улыбки жизни, она лицемерно не кутается в полинялую мантию женской добродетели,—нет, она протягивает руку своему избраннику и уезжает на несколько недель испить из кубка любовной радости и убедиться, насколько он глубок. Когда же кубок оказывается плоским, она отбрасывает его без сожаления и горечи. И снова за работу... Для Терезы, как и для большинства ее товарищей-мужчин, любовь—лишь этап, лишь временная остановка на жизненном пути. Цель жизни, ее содержание—партия, идея, агитация, работа...

С рассудительным спокойствием избирает себе новую дорогу другая новая женщина—Агнесса Петровна [2]), одна из первых русских героинь типа «холостых». Она—писательница и секретарь редакции, она—«прежде всего человек дела». Когда Агнесса работает, когда ею овладевает какая-нибудь мысль, идея,—для нее тогда ничто и никто не существует. «Этим я делиться не умею, и тогда я хочу свободы и свободу свою не отдам ни за какую любовь». Но когда Агнесса возвращается из редакции и меняет свое рабочее платье на удобный капот, ей приятно сознавать себя «просто женщиной» и на мужчине проверять свое обаяние. В любви она ищет не содержания и не цели жизни, а лишь того, чего обычно ищут мужчины: «отдыха, поэзии, света», но власти над собой, над своим «я», даже со стороны любимого мужчины она органически не признает.

«Принадлежать мужчине, как вещь, отдать ему свою волю,

---

[1]) Шницлер—„Путь к свободе".
[2]) Т. Щепкина-Куперник—„Одна из них".

свое сердце, посвятить весь ум и все силы на то, чтобы ему одному было хорошо, сделать это с полным сознанием, с радостью,—тогда женщина может быть счастлива. Но почему это именно одному?.. Если надо забыть себя, так я это сделаю скорее не для того, чтобы у него одного был хороший обед и спокойный сон, а для десятков других, несчастных»... И когда Мятлев делает попытки посягать на свободу Агнессы, когда он ставит свою любовь между нею и ее делом, ее писанием,—Агнесса считает их договор нарушенным и союз расторгнутым...

Не спеша, с оттенком неуверенности, следует за Агнессой менее законченный образ холостой женщины—Веры Никодимовны [1]). Вера Никодимовна—курсистка последнего поколения, с налетом модернизма. У нее есть «прошлое», и это прошлое, кончившееся «ужасной, ужасной пошлостью», оставило темный след на душе. Не одна «физиология» толкнула рассудочную и скорее холодную Веру в об'ятия мужчины... «Никто не знает, как мало виновата в этом чувственность, как далеко это от распущенности», признается она своей молоденькой приятельнице. Что-то другое стояло за этим. Что именно? Жажда материнства? Быть-может, искание близкой, понятливой души—этой опасной удочки, на которую попадаются даже трезво-рассудочные холостые женщины... С тех пор Вера Никодимовна окружена ищущими ее мужчинами. Но, сторонясь сближения с ними, она, по атавистической привычке, унаследованной от бабушек, дразнит их надеждами; быть «обворожительной» стало ее специальностью. Но, в противоположность бабушкам, за свободу свою она держится крепко, и за пределами гостинного флирта Вера Никодимовна—работающая, думающая женщина-человек...

С грустной улыбкой проплывает мягкий образ чахоточной Мери [2]), за ней, постукивая своими поношенными башмаками, спешит на заработки маленькая, смелая подвижница Таня [3]). Им вслед несется гаденький смех духовно-бедной, пошлой Аннет [4]), своего рода пародии на холостую женщину. Наивно грубовато пробивается по новому пути героиня Санжар—Анна [5]). Взявшись за руки, идут «районщицы»: Мирра, Лидия, Нелли [6]). У каждой есть что-то свое, святое, не женское только. Даже у будто бы пустенькой Лидии—ее тщеславие, ее карьеризм... Но когда налетает любовь, когда женское естество пред'являет свои права, тогда все эти девушки без былого сентиментального ужаса перед собою переступают запретный для девушки порог... А там опять закручивает их многострунная жизнь, в которой любовь—лишь привходящая мелодия...

---

[1]) Потапенко—„В тумане". („Современный мир." 1912 г.)
[2]) Винниченко—„На весах жизни".
[3]) Тоже.
[4]) Тоже.
[5]) Н. Санжар—„Записки Анны".
[6]) Р. Григорьев—„На ущербе".

Лаская глаз своим душевным изяществом, будто вся сотканная из мягких, акварельных тонов, скользит, избегая острых камней, артистка театра варьетэ—Рене [1]). С разбитыми иллюзиями, с израненным сердцем ушла она от мужа, бросила перчатку свету, к которому принадлежала когда-то. Ее жизнь теперь—в искусстве, в творимых ею мимических танцах и сценках без слов. Кочующая, утомительная, трудовая жизнь... Она не ищет, а бежит от приключений: слишком изранено, исколото сердце. Свобода, независимость и одиночество—венец ее личных желаний. Но когда Рене после долгого трудового дня садится к камину в своей одинокой квартире, она ощущает, как безглазая тоска одиночества вползает в комнату и становится за ее креслом.

«Я привыкла жить одна,—заносит она в свой дневник,—но сегодня я себя чувствую такой одинокой...»—«Разве я не самостоятельная, не свободная?.. И... ужасно,—одинокая»... Не звучит ли в этой жалобе женщина прошлого, привыкшая слышать вокруг себя знакомые, любимые голоса, ощущать чью-то привычную ласку?

И Рене, когда встречает на пути своем настойчивую любовь-привязанность, позволяет налетевшей волне и ее подхватить. Но страсть не ослепляет, не туманит привычного к анализу мозга.

— «Ce ne sont que mes sens qui sont attaqués («Задеты лишь струны чувственности»),—констатирует она с грустным сожалением,—«point d'autres dèlires que celui de mes sens» («Лишь чувственность опьяняет,—ничто другое»). Рене трезвеет. Новая любовь не дает того, что искала Рене. В об'ятиях любимого—она попрежнему одинока. И «la Vagabonde» («Бродяжка») бежит, бежит от своей любви, бежит потому, что эта любовь так далека от ее утонченных запросов любви.

Прощальное письмо Рене к покидаемому другу—это документ современной, требовательной, взыскательной к жизни женской души...

За ней проходит героиня Бенетта [2]), писательница, девушка-женщина. Порыв экстаза, преклонения бросил ее в об'ятия большого музыканта, но пережитое только помогает ей найти и утвердить себя, выявить свой талант писательницы и трезвее, вдумчивее, сознательнее отнестись к жизни. Когда же налетает новая любовь, она уже не бежит от нее в ужасе, как бы делали героини былых английских романов, считая себя недостойными—падшими, но с улыбкой идет ей навстречу.

Стремительно рвется вперед беспокойная, темпераментная Мая [3]), с ее иронической складкой ума. Все события ее жизни—лишь этапы для отыскания самой себя, для утверждения себя—

---

[1]) Колетт Вилли—„Бродяжка".
[2]) Бенетт—„Святая любовь",
[3]) Г. Мейзель-Хесс—„Голос".

личности: борьба с семьей за самостоятельность, разрыв с первым мужем, кратковременный роман с ориентальным героем, вторичный брак, полный изощренных психологических сложностей, внутренней борьбы в душе самой Маи между «старой» и «новой» женщиной, живущей в ней; опять разрыв, опять искание, пока Мая не встречает, наконец, человека, который умеет отнестись с уважением к ее «голосу»—этому символу личности, признать его ценность и образовать тот внутренне-свободный любовный союз, о котором Мая всю жизнь томится.

Жизнь Маи полна психологических сложностей, переживаний; но то, что давно бы сломило женщину прошлого (измена любимого человека, разрыв с двумя мужьями), то служит лишь «уроком» для Маи, позволяя ей полнее осмыслить себя. Она следует бессознательно совету Гете — каждый день начинать жизнь сначала, как-будто только сегодня она началась... «Моя сильная, смелая воля, которую ничто не могло сломать, спасала меня. Моя бессознательная воля—сохранить самое себя. Как рука ангела-хранителя, вела она меня через жизнь»,—говорит сама Мая.

И все-таки в Мае еще очень много пережитков прошлого. Новая, самостоятельная, внутренно свободная женщина постоянно борется с атавистической склонностью, стать «тенью мужа», его резонатором. Как знакомо ее наивное, добросовестное старание «подделываться» даже внутренно под вкус того мужчины, которого она любит, «исправить» себя соответственно идеалу, который рисует себе ее избранник. Будто сама по себе она ценности не имеет, будто ее личность измеряется лишь отношением к ней мужчины. Это та атавистическая в женщинах черта, которая заставляла даже такую великолепную, такую яркую, такую обаятельную индивидуальность, как Жорж-Санд, то вместе с пылким Мюссе отрекаться от земли, то в угоду трезвого политика Мишеля из Бурже кутаться в политическую тогу и пытаться отречься от питания в надзвездном мире художественного творчества... Но сильная индивидуальность женственной Жорж-Санд сама ставила границы таким экспериментам. Наступал момент, когда Жорж-Санд ощущала, что начинает терять себя, что в приспособлении своем женщина, Аврора Дюдеван, погубит, съест, затопчет смелого, мятежного, стремительного мечтателя, поэта Жоржа-Санд. Тогда она неожиданно выпрямлялась во весь рост своей яркой личности, и чуждые ей душевные порывы спадали сами собою. В таких случаях Жорж-Санд рвала прежнюю связь беспощадно. И если такое решение назревало в ее душе, ничто уже не могло ее удержать, никакая власть, даже собственная страсть не могла сломить волю этого большого человека с чарующей, чутко-отзывчивой женской душой... Когда Аврора Дюдеван темной осенью скачет из своего имения Ногана на мимолетное, прощальное свидание с Мишелем из Бурже, хотя решение уже созрело и при том—порвать с ним, но

бонтесь за Ж.-Санд, вы чувствуете, что это свидание не в силах изменить ее решения, что это лишь последняя дань гаснущей страсти, которую Жорж-Санд кидает плачущей Авроре... Этап перейден, переживанию поставлена точка.

Мая Мейзель-Хесс, разумеется, мельче, слабее Жорж-Санд, но и для нее есть предел приспособления к возлюбленному, и ее атавистическая склонность отказаться от себя, стушеваться, раствориться в любви наталкивается на уже развитую, определившуюся в ней человеческую личность. И Мая в нужную минуту тоже выпрямляется и уходит, спасая себя, «свой голос»...

Как трудно современной женщине сбрасывать с себя эту воспитанную веками, сотнями веков способность в женщине ассимилироваться с человеком, которого судьба выбрала ей в властелины, как трудно ей убедиться, что и для женщины грехом должно считаться отречение от самой себя, даже в угоду любимого, даже в силу любви...

Возле Ман твердо ступает холодно-рассудочная, честолюбивая Ута [1]). Ута—артистка; вся ее жизнь—это сплошное выявление и украшение своего «я», которое она сама ценит превыше всего в мире. Как-будто самое искусство дорого ей лишь как способ полнее и всестороннее развить и проявить свою сильную индивидуальность. Это—естественная реакция против векового самоунижения женщины, ее покорного отречения от права быть самоценной личностью.

Сильное, яркое честолюбие, холодный ум, громадный эгоизм и яркий сценический талант перевешивают и загоняют в темный угол Уту-женщину. Равнодушно проходит она мимо личного счастья, мимо беспредельной привязанности Клодта. Его любовью она дорожит, любуясь в ней на свое отражение, как в зеркале. Когда Клодт на ее глазах, толкаемый отчаянием, измученный холодным равнодушием Уты, изменяет ей, Ута плачет, но в ней оскорблена не женщина, а артистка, стоящая у всех на виду, поклонник которой посмел уйти к ее сопернице, к ненавистной Фрончини. Рыдает в ней не любовь оскорбленная, а задетое самолюбие. Ута до конца романа остается верной себе,—она несет через жизнь свой душевный холод и преклонение пред собственным «я»... Но не потому ли, что в Уте отсутствует тот «священный огонь», который и из маловышколенных артистов делает «великих», может, легкомысленная, темпераментная самочка Фрончини побеждает умную, тонкую, даже «великую» в своем разработанном искусстве, бестемпераментную Уту?

В толпе мелькает балованная жизнью художница Таня [2]). Таня—замужняя женщина, и тем не менее ее нельзя не отнести к типу «холостых» женщин, как нельзя не отнести сюда и

---

[1]) Генрих Манн—„В погоне за любовью".
[2]) Нагродская—„Гнев Диониса".

Маю, три раза заключавшую формальный брак. Таков их внутренний облик. Разве, даже живя под одной кровлей со своим гражданским мужем «Зигфридом», Таня не остается по-прежнему свободной, самостоятельной, человеком—«сама по себе»? Она морщится, когда ее муж, представляя ее друзьям, как жену, не называет ее по собственному имени. Каждый из них живет в своем мире; она—искусством, он—своей профессурой, наукой. Это пара хороших друзей—товарищей, связанных крепкими душевными узами, но, как добрые друзья, не стесняющих свободу друг друга.

В эту ясную атмосферу врывается слепая физиологическая страсть Тани к красивому самцу Старку. В Старке Таня любит, разумеется, не его духовный облик, не его «душу», а das ewig Männliche («вечно мужское»), что потянуло ее к нему с первой встречи. Мимо его духовного облика она скользит так, как до сих пор мужчины скользили мимо души даже страстно-любимой женщины и беспомощно разводили руками, когда «обожаемая» Аня, Маня или Лиза в слезах бросали им привычный упрек: «Но душу-то, душу-то ты не даешь свою»... Отношение Тани к Старку вообще носит на себе печать чего-то мужского. Чувствуется, что как личность она и ярче, и сильнее, и богаче его. Таня слишком человек, слишком мало самка, чтобы голая страсть могла удовлетворить ее; она сама сознает, что страсть к Старку не обогащает, а беднит ее душу, сушит ее. Характерно, что Таня меньше страдает от сознания своей измены мужу, нежели в минуты отрезвления от любовных чар мучится несовместимостью такой любви с планомерной, усидчивой работой, составляющей суть жизни Тани. Страсть с'едает силы, время Тани, мешает свободной работе творчества... Таня начинает терять себя и то, что для нее самое ценное в жизни. И Таня уходит, Таня возвращается к мужу, но не потому, что так велит «долг», и не из жалости к нему, а из любви к самой себе, спасая себя, свою личность [1]). Со Старком она может потерять себя. Она уходит, унося под сердцем ребенка Старка... Уходит, когда страсть еще не угасла... Где героини романов доброго старого времени, которые бы имели мужество, смелость поступить, как Таня?

Таня делает тот выбор, какой в свое время сделала одна из первых новых по психологии женщин Ибсена—Эллида. Когда человек с моря требует, чтобы Эллида последовала за ним, а муж предоставляет ей полную свободу выбора,—Эллида остается с мужем. Она осталась, сознавая, что этим она со-

---

[1]) На этом месте, собственно, следовало автору поставить точку. Весь дальнейший роман со Старком „придуман", и в покорившейся обстоятельствам Тане, В Тане, отрекшейся от своего искусства и обратившейся в орудие наслаждения для чуждого ей Старка, мы не узнаем былой смелой, цельной личности. Тани—человека. Жалко, что автор так оклеветал свою Таню.

храняет свою внутреннюю свободу, тогда как уйдя с человеком из-за моря, она ее утратит. Эллида осознала, что ей угрожает самый страшный для женщины плен—плен страсти, власть того, кто держит ее женское сердце в своих руках...

Скромно пробирается душевно-стойкая, духовно-сильная Иозефа [1]), своими руками помогая обламывать торчащие еще по краям дороги колючие кусты житейского терновника. Она утаптывает дорогу к экономической самостоятельности женщин буржуазной среды, она указывает путь к свободным профессиям. Неуверенной стопой нащупывает путь чуткая, настороженная Криста Руланд [2]), этот чарующий духовный облик просыпающейся женщины, большими, широко раскрытыми глазами вопрошающей мир, ищущей «новой правды», женщины, впервые научающейся познавать самое себя. Ее девиз: «Я—это я, ты—это ты, единое мы только в любви».

Затаив трагедию своей души, свою, ей самой непонятную, жуткую, непривычную «мировую скорбь», пробирается робко, по краешку дороги, с еще закрытыми для «новой правды» глазами героиня Юшкевича—Елена [3]). Она—не холостая и даже не вполне новая женщина: в сложный узел сплелись в ее психологии черточки нового и старого типа. Вечно-женское в ней ярко и сильно, но дух ее—ее человеческое «я»—полон сурового вопроса, мягкая, женская душа, податливая, любящая, полна женских противоречий и даже рабской лжи, а мятежный, непримиримо ищущий, вопрошающий дух делает из Елены образ нового склада. В мягких тонах описал ее Юшкевич и так бережно, так любовно касался этого образа, будто боялся словом одним разбить эту хрупкую женскую душу, погибшую от трагедии духа.

В толпе новых женщин мы различаем Ренату Фукс [4]), эту «бунтующую душу», сумевшую сохранить свою душевную чистоту, пройдя через стыд и грязь. На лице ее застыло величавое спокойствие, на девичьих руках ее лежит младенец, будущий «новый человек»... Рядом с ней гордо ведет за руку свою дочь героиня Грэнт Аллэна [5]), дитя любви, дитя «демонстративно» неоформленного союза... Деловито размахивая руками, бежит в свою лабораторию химичка Мария [6]) с ясной улыбкой и найденной в жизни гармонией... Высоко над головой несет среди облепляющей ее житейской грязи проститутка Милада [7]) свою «священную миссию»... Надев на себя личину «кокетливой самочки», сознательно переступает через собственную

---

[1]) Ильза Фраппан—„Труд".
[2]) Гедвиг Дом—„Криста Руланд".
[3]) Юшкевич—„Вышла из круга".
[4]) Вассерман—„Рената Фукс".
[5]) Грэнт Аллэн—„Женщина, которая посмела".
[6]) Винниченко—„На весах жизни".
[7]) Е. Иерузалем—„Священный жук".

страсть эс-еровка Анна Семеновна... [1]) Иронизируя над предрассудками света, легкой походкой, не задевая своими воздушными одеждами терниев жизни, скользит эмансипированная английская студентка Фанни... [2]) Мелькает знакомое лицо другой студентки далекого севера—Анны Мар... [3]) Пытаются вступить на новый путь отдельные героини Бьернсена, Ионаса Ли («Дочери Коменданта»), Яковсена, Лефлер. Тревожно останавливаясь, будто прислушиваясь к голосу женщины прошлого у себя в душе, нехотя вступает на новый путь Иенни [4]), норвежской писательницы Ундзет. Как и Таня Нагродской, она убегает от отца своего будущего ребенка, чтобы материнство не скрепило еще сильнее уз, начавших ее тяготить. Все смелее идет она теперь по новому пути; но голос прежней женщины напоминает о прошлом, будит забытые эмоции, понятия, представления... Иенни останавливается, Иенни оглядывается назад и падает мертвая...

А мимо проплывают все новые и новые образы женщин, просыпающихся, «бунтующих», ищущих...

Мягкий, чарующий силуэт Франсуазы Удон [5]) с ее любовью-дружбой к Кристофу, с ее страстью к другому, с ее огненным темпераментом, ненасытным честолюбием артистки, железной волей и чуткой, деликатной душой... Рядом с нею неприкрашенный, жизненный тип работящей, уравновешенной Сесиль [6]), не сознающей, что в ее покойном «достижении» сокрыта «новая правда»... Суффражистка Юлия Франс [7]), беглянка из России Мари Антин [8]), еврейская девушка, пробившая себе путь к американскому гражданству, к обеспеченному положению, отдельные героини Рикарды Хук [9]), Гавриель Рейчер, Сары Гранд, Гемфи Уорд, Крандиевской, симптоматического Боборыкина, салонного Марселя Прево... [10]).

---

[1]) О. Рунова—„Борьба".
[2]) Бернард Шоу—Ранин дебют".
[3]) Г. Гауптман—„Одинокие".
[4]) С. Ундет—„Иенни".
[5]) Р. Ролан—„Жан Кристоф".
[6]) Тоже.
[7]) Г. Атертон „Юлия Франс и ее эпоха".
[8]) Мари Антин—„Обетованная земля".
[9]) Напр. Роза из „Vita somnium Breve".
[10]) Большинство из перечисленных авторов—женщины: многие из их произведений не представляют настоящей художественной ценности, но для намеченной цели эти, даже мало-талантливые сами по себе вещи дают несравненно больше, чем цельные художественные творения беллетристов-мужчин. Большинство романов и повестей, написанных женщинами, заключают в себе не малые доли автобиографизма, что для нас имеет наибольший интерес. Чем безыскусственнее отражена неприкрашенная правда жизни, чем полнее и правдивее изображена психология современной женщины, ее боли, искания, запросы, противоречия, сложности и устремления,—тем богаче материал, который служит для изучения слагающегося духовного образа новой женщины.

Съ тех пор, как писательницы перестают слепо подражать мужским образам, не боясь вскрывать тайники женской души, бывшие до сих пор сокрытыми даже

Много их, не перечислить всех в этом беглом очерке. Но именно то, что этих новых женщин так много, что с каждым днем прибывают все новые и новые, что эти образы уже в опошленном виде попадаются даже в лубочных писаниях Вербицкой,—это показатель, что жизнь неустанно творит и созидает новый женский тип.

Что-то чужое, порой отталкивающее нас своею непривычностью, несет с собою новая женщина. Мы приглядываемся к ней, ищем знакомых, милых черт, какими обладали наши матери, бабушки. Но перед нами встает, заслоняя прошлое, целый мир новых эмоций, переживаний, запросов. Мы недоумеваем, мы почти разочарованы... Где былая милая женская покорность и мягкость? Где привычное уменье женщин «приспособиться» в браке, стушеваться даже перед ничтожным мужчиной, уступить ему первенство в жизни?

Перед нами женщина-личность, перед нами самоценный человек, со своим собственным внутренним миром, перед нами индивидуальность, утверждающая себя, женщина, срывающая ржавые оковы своего пола...

II

Каковы, однако, те свойства характера, те новые эмоции, те черточки в психологии женщин, которые позволяют нам отнести их по внутреннему облику к разряду новых женщин, холостых?

Эмоциональность была одним из типичных свойств женщины прошлого, эмоциональность служила одновременно и украшением и недостатком женщины. Современная действительность, вовлекая женщину в активную борьбу за существование, требует от нее уменья побеждать свои эмоции, умения переступать не только через многочисленные препятствия социального характера, но и волею укрощать свой немощный, легко, по-женски, ослабевающий дух. Чтобы отстоять у жизни свои новозавоевываемые права, женщине приходится совершать над собой самою гораздо большую воспитательную работу, чем мужчине. Черные думы, заботы гнетут Иозефу в романе И. Фраппан—«Труд», слабые плечи ее гнутся под непривычной ношей жизни. Ей хочется разрыдаться, разжалобиться над собою, как это делали прежние женщины, отдаться своему горю. Но работа,—установленная, размеренная по часам работа в клинике не

для величайших художников слова, с тех пор, как писательницы заговорили „своим языком", о своем, „женском", их произведения, даже если в них и отсутствует порою внешняя красота художественного творчества, имеют свою особую ценность и свое особое значение. Они помогают нам, наконец, познать „женщину", и именно женщину нового, складывающегося формирующегося типа.

ждет. Ее нельзя по произволению отсрочить, отодвинуть, подобно уборке дома или штопанью детского платья... Иозефе приходится сделать привычное для мужчины и незнакомое женщине прошлого усилие над собою, запрятать под замок свое личное, и в урочный час—она в клинике...

У Матильды умирает ребенок—ее радость, все, что осталось ей от ее знойной, как лето, любви... Но станок крепко приковывает Матильду к фабричной мастерской, и ее привычные пальцы работают, не обрывая ниток...

Современная действительность беспощадно требует от каждой женщины, имеющей промысел, профессию, работу вне дома, той доли внутренней самодисциплины, того уменья волей побороть эмоции, какая лишь в виде исключения встречалась у женщины прошлого.

Ревность, подозрительность, нелепая «бабья» месть,—разве же это не типичные свойства женщины прошлого? Ревность—эмоция, которая лежала в основе почти всех трагедий женской души. Разумеется, ревность является трагедией и мужской души, но для своего Отелло Шекспир избрал не самодисциплинированного культурного англичанина, не интеллектуально-утонченного венецианца, а эмоционального мавра...

Эмоциональность женщины заставляла ее доводить свою ненависть соперницы до уродливейших форм, заставляла выступать на поверхность самые жалкие, «рабьи» свойства женщины. Если героиня и не всегда обливала серной кислотой свою соперницу, то уже наверное обжигала ее ядом своей клеветы.

Новые женщины—не собственницы в своих переживаниях. Требуя уважения свободы чувства для себя, они научаются допускать эту свободу и для другого. Характерно повторяющееся в целом ряде современных романов отношение героинь к своим соперницам. Вместо серной кислоты и клеветнических нападок мы встречаем бережно-чуткое отношение к другой женщине, сопернице. Мая и первая жена ее избранника, в «Голосе», не только не ненавидят одна другую, но находят общий язык и во многом оказываются ближе друг к другу, чем тот, кто владеет сердцами обоих. Мая плачет над теми оскорблениями, которые «он» наносит душе ее соперницы. И будто личную обиду испытывает она, узнав, как страдала ее соперница, когда их общий «он» брал ее, как «законную», ему принадлежащую вещь, без согревающей ласки, без призывных поцелуев... Мая оскорблена за «женщину», Мая умеет чувствовать не узко-индивидуально, в Мае уже появляется незнакомая былым женщинам эмоция,—эмоция коллективности, товарищества...

А разве не характерно отношение той же Мая к ненужной, нелепой измене ее второго мужа? Она застает своего супруга en flagrant délit, но Мая не падает без чувств и не поднимает скандала. Она убегает, и убегает к кроваткам детей его

первой жены. Эти спящие детские головки омывают ее скорбь от грязи. Она возвращается в свою одинокую квартиру.

Ее знобит. Мая разводит огонь, кутается в шаль и заставляет себя взяться за чтение интересующей ее книги. Так она скорее уйдет от себя самой, так она найдет нужное равновесие...

Ирина в романе Кредо («В тумане жизни») не только мирится с былой привязанностью Виктора, она требует от него бережного отношения к душе ее соперницы... Зато Виктор, узнав о прошлом Ирины, вопрошает тоном оскорбленного самца: «Который я по счету? Я хочу знать... Много их было?..» Виктор—передовой человек, писатель, но и в нем «зверь» сильнее, чем в пустенькой Ирине, весь облик которой представляет интерес только потому, что и она протягивает руки к новой правде жизни.

В новой женщине «ревнивую самку» все чаще и чаще побеждает «женщина-человек».

Другой типичной чертой современной женщины является ее повышенная требовательность к мужчине,—черта, на которую часто указывает в своих писаниях и Эллен Кей. Женщина прошлого была веками приучена к небрежному отношению к себе, к ее маленькому бедному духовному миру, со стороны ее властелина и бога. Она мирилась и со снисходительными улыбками мужчины над ее женскими слабостями и горестями, с невниманием к тому, что она думает, что переживает. Разве не удивляются и теперь мужчине, когда узнают, что лишь редкие из них умеют прислушаться к женщине даже в минуты интимнейших переживаний?.. Такое поверхностно-небрежное отношение к женскому «я» бывало и раньше причиной семейных трагедий.

Опытные дон-жуаны умели взять не только тело женщины, но и завладевали ее душею, зачастую лицемерно разыгрывая с нею комедию «понимания», бережно-любовного отношения к ее незначительному «я», мимо которого более искренний муж проходил небрежно, равнодушно. Но дон-жуаны приходили и уходили, а законный властелин оставался, и женщина, веками приспособляясь к жизни, умеряла свои собственные запросы и требования, сводила свое понятие о счастье на удовлетворение внешнего, вещественно-осязаемого...

«Он» дарил кольца и серьги, «он» носил цветы и конфекты. Значит—любил!..

А если бывал деспотичен и груб, если налагал ряд запретов и требований,—на то было его право, право властителя сердца!..

Современная женщина становится требовательной, она желает и ищет бережного отношения к своей личности, к своей душе. Она требует уважения к своему «я». Деспотизма она не выносит. Когда ориентальный возлюбленный Мая запреща-

ет ей петь в концертах, а узнав о нарушении этого запрета решается «в наказание» не писать ей целых две недели, он убивает в ней чувство к себе. «Наказывать» ее, свободно отдавшую ему свое сердце?

В этом отстаивании своей внутренней свободы есть что-то напоминающее женщин древних саг, женщин эпохи родового быта. «Твоя воля исполнена, но во мне ты потерял жену»—бросает мужу-королю Розамунда, когда он заставляет ее выпить из черепа ее убитого им отца. И в устах Розамунды—это не пустая угроза: она убивает мужа, которого до того страстно любила.

Современная женщина может простить многое из того, с чем всего труднее помирилась бы женщина прошлого: неумение мужчины доставить ей материальное обеспечение, небрежность внешнюю к себе, даже измену, но никогда не забудет, не примирится она с небрежным отношением к ее духовному «я», к ее душе. Если ее друг «не слышит» ее, отношения теряют для новой женщины половину ценности.

Когда возлюбленный Кристы Руланд на ее вопрос: как он смотрит на женщину, сначала отшучивается, а затем высказывает банально-ходячие взгляды, Криста чувствует невольное отчуждение. Как мог он, тот, кто купил ее душу своим внимательным отношением к ней, к ее духовному «я», оказаться «настолько глух», чтобы не понять, как важно было ей услышать от него другое? Не прощает Франку Криста, как не прощает этого и всякая новая женщина, той перемены, какая совершается в психологии мужчины, добившегося обладания: ту самую женщину, которую мужчина полюбил за ее смелый полет, за ее самобытность духа—он стремится закрепить за собою, потушить в ней «священный огонь» искания, дорожа ею, низводить ее на степень предмета е г о радости, е г о наслаждения. С удивлением замечает Криста Руланд, как тот самый Франк, который пытался втянуть ее в сферу своих духовных интересов, который мечтал о совместной агитационной поездке, начинает жить отдельно от нее, своим особым интеллектуальным миром. О совместной поездке, разумеется, больше нет и речи. Но даже и в те минуты, когда Криста жадно следит за работою его мысли, он, Франк, ощущает в ней лишь женщину, тем более пленительную, чем тоньше и духовнее весь ее облик. Будто своей духовностью, своим уменьем витать с ним в надземных сферах мысли Криста только обостряет его чувственный порыв к ней. Точно «обокраденная», отходит Криста от него. Новая женщина простит обиду, нанесенную «самке», но не забудет даже простого невнимания к себе, как к личности... Это та же требовательность к духовному облику избранника, о которой говорит и Вера Никодимовна. У женщин, по мнению Веры, ум, даже «доброкачественный», играет второстепенную роль. «Главное же в ней нравственное на-

чало. И вот, когда мы учимся и читаем, то оно и развивается, это нравственное начало, изощряется, утончается. И мы становимся необыкновенно чутки нравственно и требовательны. А у мужчин это нравственное начало застаивается и слабо движется вперед. Вот мы и несчастны... Мужчины часто недоумевают, что нас отталкивает от них?»

Потребность женщины, чтобы мужчина любил в ней не столько ее безлично-женское, сколько ценил бы в ней то, что составляет духовное содержание ее индивидуального «я», естественно выросла на почве познания себя, как личности. «Я проклинаю мое тело женщины, из-за него вы не замечаете, что у меня есть и другое, более ценное»,—всей своей книгой выкрикивает Надежда Санжар («Записки Анны»). И этот протест в той или иной форме повторяют героини всех национальностей. Даже несложная душа горьковской Татьяны уже протестует против отношения к себе как к простому орудию наслаждения.

— «Он бы одолел... А я не хочу, я не могу так, без сердца, словно кошка... Экие вы все какие... несуразные...»

Чем ярче личность женщины, чем отчетливее чувствует она себя «человеком», тем острее воспринимает она обиду со стороны мужчины который, своей веками притупленной психологией не умеет разглядеть за желанной женщиной—пробуждающегося человека, личность.

Эта повышенная требовательность к мужчине заставляет многих героинь современных романов переходить от увлечения к увлечению, от любви к любви, в томительных поисках своего недостижимого идеала: гармонии страсти и душевной близости, совмещения любви со свободой, соединения товарищества с обоюдной независимостью.

— «Ничто так страстно не желаю я—восклицает беспокойная, ищущая Мая—как найти человека, от которого я не пожелала бы уйти, от которого я не захотела бы уехать»! А «Бродяжка» порывает со своим другом только потому, что в ней живет неутолимый идеал более полного и совершенного любовного общения. Современная действительность обманывает всех этих наивных искательниц гармонической, полной любви. Они беспощадно рвут любовные узы, они уходят, чтобы найти мечту свою... И забывают при этом, что то, чего они сейчас ищут, осуществимо только разве в далеком будущем, для людей с обновленным строем души, людей, органически усвоивших представление о том, что и в любовном союзе—товариществу и свободе должно быть отведено первое место.

Прежняя женщина совершенно не умела ценить личной самостоятельности. Да и что могла она с ней начать? Что может быть более жалкого, беспомощного, чем брошенная жена или любовница, если это женщина прежнего типа? С уходом или смертью мужчины женщина теряла не только ма-

териальное обеспечение, но и рушилась ее единственная моральная опора. Неприспособленная стоять одна лицом к лицу с жизнью, женщина прошлого боялась одиночества и готова была при первой возможности отречься от ненужной, постылой самостоятельности.

Современная, новая женщина не только не боится самостоятельности, но и научается ею дорожить по мере того, как интересы ее все шире и шире выходят за пределы семьи, дома, любви. Для Веры Никодимовны ничего не может быть ужаснее материальной зависимости от мужчины: «Вот, если б я зависела от мужчины и должна была бы выбрат из них такого, который был бы моим мужем и содержал бы меня, я была бы несчастна»...—говорит она подруге. Иметь «мужа», собственника и властелина ее души,—эта мысль страшит Веру, как только тюрьма может страшить узника, вырвавшегося наконец на свободу... «На это рабство я никогда не пошла бы... Однажды было нечто подобное»...

«Разве вы замужем»?

«Нет, не замужем... Но был роман и страсть...»

Современная женщина ощущает в браке свою скованность даже тогда, когда отсутствуют внешние, формальные скрепы. Психология «старого» человека, живущая в нас, создает узы—моральные, которые по крепости своей не уступят и внешним цепям...

Но тем упорнее бегут новые героини от всего, что и внешне закрепляет их за властелинами сердца. Материальная зависимость от мужчины, полная беспомощность в мире без надежной опоры мужской руки заставляла женщин прошлого типа заботиться прежде всего о конкретизировании своих отношений с мужчиной, о закреплении любовных уз. Только тогда она чувствовала себя в безопасности. Современная женщина, принужденная самостоятельно нести материальную тяготу жизни, относится к форме либо отрицательно, либо равнодушно. Она даже не спешит давать определения своим любовным отношениям. На вопрос подруги, каково отношение Рене («Бродяжка») к ее возлюбленному, что это: гражданский ли брак, любовная ли преходящая связь?—Рене только плечами пожимает:

«Мы... мы просто изучаем друг друга»,—бросает Рене подруге.—«А будущее? О, Марго! Я не люблю будущего!» Матильда вовсе не спешит закрепить за собою Залека, несмотря на то, что имеет от него ребенка, как не спешит она скрепить и оформить своей связи с писцом, с Домиником. И если бы Эрнест не уехал, Матильда, несмотря на всю знойность своего чувства к нему, вероятно удовольствовалась бы свободной их связью и не стала бы бороться за права формального обладания Эрнестом. Брак с Симонейтом подсказало ей, стареющей женщине, благоразумие, как подсказывает оно женитьбу стареющему холостяку. Не спешит связать свою судьбу и горьковская

Татьяна: подходящего мужа, ищет по свету, свой идеал. Но права на себя не дает даже тем, кому дарит свои добровольные ласки. «Одним часом жизнь не меряют, а годами»...

Самостоятельность и личная свобода нужна женщине, которая служит призванию, любимому делу, идее. Роза в «Vita Somnium Breve» не посягает на свободу своего возлюбленного Михаила: она оставляет его семье, законной жене, она годами мирится с краткими, солнечными встречами со своим другом-избранником... Но не потому ли живет в ней это «трогательное самоотречение», что содержание жизни Розы составляет не любовь ее, а ее искусство, ее картины? «Я одна,—думает Роза,—и все же я не одна со своими картинами, мыслями, творчеством». .....

До сих пор основное содержание жизни большинства героинь сводилось к любовным переживаниям. Любовь скрашивала собою даже жизнь, изобилующую материальными лишениями, и наоборот, отсутствие любви делало жизнь женщины бескрасочной, бессодержательной, бедной; ни внешния блага, ни почет, ни даже радости материнства не могли заменить для героини утрату любовного счастья [1]).

Если сердце было пусто—и жизнь оказывалась пустой... Этим женщины прошлого резко отличались от мужчины. У мужчины рядом с жизнью сердца всегда шла своя деловая жизнь, и в то время, как героиня томилась в ожидании «его», «он», мужчина, где-то в неведомом, непонятном ей мире вел свою борьбу с судьбою. Сколько психологических драм возникало на той почве, что страстно-ожидаемый «он», вернувшись после деловой отлучки, со службы, с работы, вместо того, чтобы заняться всецело «ею», вытаскивал бумаги из портфеля, спешил проглотить обед, чтобы бежать на собрание, в комиссию или, наконец, просто жадно хватался за интересующее его чтение... Женщина глядела на него полная недоумения, с упреком в душе. Могла же она отложить свою недошитую блузу, могла же она ради него бросить неприбранной кухню, сумела же она «уложить детей», чтобы только остаться, наконец, вдвоем, забыть о делах, о работе, политике, службе... Женщины всех слоев населения страдали от этого непонимания мужчины с его интересами, лежащими в чужом им мире, далеко за пределами домашнего гнезда. Это непонимание мужской психологии встречалось и у женщины профессора, и у чиновницы, и у жены рабочего или приказчика...

.....

[1]) Характерно, что материнство почти всегда рассматривалось, как суррогат счастья для женщины: не повезло в браке, отрекалась от любовной связи на стороне, овдовела,—остается последнее „прибежище"—материнские заботы и радости. Материнство редко рассматривалось, как самоцель, и только уж под старость у женщины просыпались атавистические чувства „рода" и „честь семьи", обращаясь для нее в смысл жизни, в „идола", которому она поклонялась сама, деспотически требуя того же и от остальных членов семьи.

Обиженный возглас жены: «ты опять уходишь на свое противное заседание!»—нередко провожает еще и сейчас мужа, будь он рабочий или биржевой делец...

Но по мере того, как женщина все чаще и чаще вовлекается в круговорот социальной жизни, как и она является действующей пружинкой в механизме народного хозяйства, горизонт ее раздвигается, стенки ее дома, заменявшего для нее мир, падают, и она сама бессознательно впитывает, усваивает ранее совершенно чуждые и непонятные ей интересы.

Любовь перестает составлять содержание ее жизни, любви начинает отводиться то подчиненное место, какое она играет у большинства мужчин. Разумеется, и у новой женщины бывают полосы в жизни, когда любовь, когда страсть заполняют ее душу, ум, сердце и волю, когда все остальные жизненные интересы меркнут и отступают на задний план. В такие минуты современная женщина может переживать острые драмы, может радоваться или страдать не меньше женщин прошлого. Но влюбление, страсть, любовь,—это лишь полосы жизни. Истинное содержание ее составляет то «святое», чему служит новая женщина: социальная идея, наука, призвание, творчество... И это свое дело, своя цель—для нее, для новой женщины, зачастую важнее, драгоценнее, священнее всех радостей сердца, всех наслаждений страсти...

Отсюда и то новое отношение к работе, которого не встретишь у героинь доброго старого времени. Героиня Бенетта только что пережила первое радостно-страстное об'яснение с любимым ею человеком. Но когда он предлагает придти к ней завтра, с утра, она, влюбленная, счастливая, все же почти испуганно его останавливает:

«Не приходите раньше завтрака»...

«Не раньше завтрака? Отчего же?»

Он был удивлен. Но в течение пяти лет я привыкла быть сама себе госпожей. У меня сложились мои вкусы, привычки, наладился мой особый порядок жизни. Раньше завтрака я никогда никого не принимаю. А завтра, именно завтра, мне предстоит так много работы. Неужели этот человек явится как завоеватель и расстроит мое утро? Во мне начало подниматься глухое опасение за мою свободу, за мою самостоятельность... Разве же это не новая черточка в психологии влюбленной женщины? Женщина, добровольно отодвигающая желанное свидание, сулящее ей радость, только потому, что по утрам она привыкла писать, только потому, что ей жалко этих потерянных, украденных у работы часов... Часы, любви, отданные возлюбленному, разве они могли быть потерянными для женщины прошлого?..—Таня, в романе Нагродской, переживающая медовый месяц со Старком, томится сознанием своей праздности. Полотна с недоконченными картинами с укором глядят на нее...

«Сегодня выговорила себе день и упрошу Старка не приходить»,—решает она. Но Старк (в прежних романах эта роль выпала бы на долю героини) возмущается и протестует:

— «Целый день без тебя,—капризно-детским тоном говорит он.—Я, ведь, не мешаю тебе, я сижу смирно... Я начинаю ненавидеть твое искусство,—говорит он дальше,—это слишком сильный соперник». На этот раз Таня опять сдается, но ее грызет сознание о запущенной работе, об ожидающих ее натурщиках, о профессоре, к которому ей надо идти... Нет полноты и безмятежности в ее любовных радостях, когда из-за них страдает работа...

«Сегодня я работаю,—записывает Таня торжествующе.—Работаю запоем!» «Работаю с наслаждением, почти не отрываюсь, с раннего утра». Запись этого дня ведется в ясном, приподнятом тоне. Вы ощущаете, что человек сбросил на время чары туманящей страсти и нашел самого себя. За работой, с палитрой в руке, Таня очнулась от дремы и вдруг увидела, что вне ее и Старка, вне их прямой атмосферы доходящей до экстаза страсти, существует еще целый мир, полный красок, радостей, красот и страданий.... Она вдруг вспомнила о своем друге Вебере, увидала всю его заброшенность... Так чувствует человек, вернувшийся «домой» после долгого странствия... Найдите героиню былого типа, которая, несколько по-мужски, вздыхала бы с облегчением, уходя от угара страсти, возвращаясь к заброшенному делу, ощущая снова ценность своего самостоятельного бытия, как личности?

Агнесса Петровна («Одна из них») путешествует с избранником своего сердца Мятлевым по Италии, качается в гондолах на мягких волнах венецианских лагун. Звезды, ночь, гондолы, любовь... И вдруг неожиданный вопрос Агнессы: «Ты долго мог бы так жить?..» ....

— «Вечность!..—ответил он.

Она вздрогнула. Перед ней встала вся жизнь, полная только поцелуев, шопота волн и гармонии звезд... и ей стало жутко»...

— «К чему же тогда жить?.. Ведь я такая же женщина, как и все,—продолжает размышлять про себя Агнесса.—Я молода, я даже недурна,—отчего же я никак не могу примениться к той мысли, что любовь—все для женщины?.. Но одна мысль о том, чтобы отдать вечность вот такому времяпровождению, меня с ума сводит».

И та же Агнесса, по возвращении в Петербург, ревниво оберегает свою работу, свое писание, от тирании любви. Вечер, они вдвоем. И вдруг Агнесса оживляется, встает, «глаза ее разгораются и особенно нежно она обняла его, вся прильнула к нему по-детски, кошечкой, как бывало»... Разумеется, Мятлев готов растаять... Но Агнесса, наклонясь к его уху, шепчет совсем нежданное признание:

«Милый, дорогой! Ступай домой, я должна сесть писать, а то мысли уйдут»... Сияние глаз относилось, очевидно, не к нему, а к тем мыслям, что родились в хорошенькой головке Агнессы Петровны...

Для женщины прошлого высшим горем являлась измена или потеря любимого человека; для современной героини—потеря самой себя, отказ от своего «я», в угоду любимому, ради сохранения любовного счастия. Новая женщина восстает уже не только против внешних цепей, она протестует против самого «плена любовного», она боится тех оков, которые любовь, при нашей современной искалеченной психологии, налагает на любящих. Привыкшая растворяться вся, без остатка, в волнах любви, женщина, дая новая, всегда трусливо встречает любовь, опасаясь, как бы сила чувства не разбудила в ней дремлющие атавистические наклонности «резонатора» мужчины, не заставила отречься от себя самой, отойти от «дела», отказаться от призвания, жизненной задачи.

Если тебя баловала судьба,
Если тебе ее ласки приелись,
Если обиды тебе захотелось,
Ты—полюби.

Если не мил тебе гордый покой,
Если тебе незнакомы страдания,—
Острые, жгучие дети лобзания,
Ты—полюби.

Если свободой пресытилась ты,
Если тебе опостылели крылья,
Если ты хочешь цепей и насилья
Ты—полюби.

Это борьба уже не за право «любви», это протест против «морального плена» даже внешне-свободного чувства. Это «бунт» женщин современной переходной эпохи, еще не научившихся совмещать внутреннюю свободу и независимость с всепоглощающей властью любви.

Если женщина прошлого, отходя от любви, погружалась в беспросветную серость своего серенького, бедного содержанием существования, то новая женщина, избавляясь от плена любовного, удивленно и радостно выпрямляется. «Плен мысли кончен»,—ликует героиня Кредо, убедившись, что хмель страсти миновал,—нет больше страданий, нет волнения, нет страха:

.....

[1]) Бунт является одним из типичных свойств героинь новой литературы, бунт против социально-экономической деятельности, бунт за утверждение своего „я", бунт против предписаний сексуальной морали, бунт против плена любовного. Бунт играет такую крупную роль в психологии новой женщины, что к нему придется вернуться в специальной статье.

она свободна, и сердце ее не страдает, так как Виктор, тот, которого она любила, исчез как-то внезапно из ее души»... И Ирина радуется, что «ощутила в себе силы и энергию, которые умалялись у нее всегда, когда она стремилась черпать капитал из недр чужой души; такая подавленность собственных сил втайне всегда унижала ее и потому момент пробуждения этих сил давал ей радость»...

Освободиться от плена чужой мысли, освободиться от боли, от страданий, этих «острых и жгучих детей лобзанья», быть снова «самой собой»,—найти себя!.. Какое ликование для женщины-личности и какая непонятная, незнакомая эмоция радости для героинь прошлого!..

Должен был совершиться значительный переворот в душевном облике женщины, сильно должна была усложниться ее умственная жизнь, в ее душе должен был накопиться богатый капитал самостоятельных ценностей, чтобы позволить женщине не обанкротиться в ту минуту, когда мужчина отнимал у нее вносимую им долю. Но именно потому, что жизнь современной, новой женщины не исчерпывается любовью, что в ее душе живет запас запросов и интересов, делающих из нее «человека», приучаемся мы применять при оценке моральной личности женщины новый критерий. Много веков достоинства героинь измерялись не их общечеловеческими качествами, не их умственным складом, не их душевными свойствами, а исключительно тем запасом женских добродетелей, каких требовала от них буржуазно-собственническая мораль. «Сексуальная чистота», половая добродетель—определяла моральный облик женщины. Женщине, погрешившей против кодекса половой нравственности, не было пощады. И романисты тщательно оберегали своих любимых героинь от падения, а нелюбимым позволяли «грешить», как грешили герои-мужчины, не утрачивавшие, однако, от этого своей моральной ценности.

Героини современных романов, новые «холостые» женщины, переступают зачастую через запреты ходячего кодекса половой добродетели, и, однако, ни автор, ни читатель не рассматривают этих героинь как «порочные типы». Мы любуемся на смелую Магду Зудермана, несмотря на то, что эта девушка совершила ряд «грехопадений». Нас трогает человеческий образ гауптмановской Матильды, хотя перед нами проходит ряд ее незаконных связей и хотя она рожает детей от разных избранников сердца [1]). Даже Винниченковская Дара [2]) не теряет ценности, как человек, от ее ненужного поступка с «покупной любовью».

---

[1]) Любовные переживания Матильды ничуть не мешают нам уважать эту чистую, цельную личность. Но вместе с самой Матильдою мы проникаемся брезгливой жалостью к ее сестре Марте, работнице, как и она, приносящей домой деньги, после любовного свидания. Целая пропасть отделяет свободу Матильды от продажности Марты.

[2]) Винниченко—„Честность с собою".

Разве не поступают так же большинство мужчин, которых мы, однако, продолжаем «уважать»?

Незаметно для нас самих в нашей психологии уже совершился сдвиг в сторону новой, формирующейся морали, и то, что являлось бы непоправимым «клеймом» для девушки или женщины 50 лет тому назад, то мы рассматриваем теперь, как явление, не нуждающееся даже в оправдании и прощении. В свое время Жорж-Санд приходилось ломать копья за право женщины уйти от законного мужа к свободно избранному любовнику. В фарисейской Англии Грэнт Аллену еще недавно пришлось брать под свою защиту девушку-мать. Но по мере того, как женщина становится на свои ноги, как она перестает зависеть от отца или мужа, как она бок-о-бок с мужчиной участвует в социальной борьбе, старый критерий становится непригодным.

Постепенное накопление в женщине общечеловеческих моральных свойств и переживаний приучает нас ценить в ней не представительницу пола, а человека, личность, и былая оценка женщины, как самки, гарантирующей супругу законный приплод, сама собою отмирает.

Сначала жизнь приучала нас применять эту мерку только к «великим душам», прощая «свободным художницам», талантам, артисткам, писательницам их проступки против общепринятого кодекса половой морали.

«Но почему такие требования могут выставлять только «великие души»?—спрашивает вполне справедливо Бебель.—Почему того же не могут требовать для себя и другие, «невеликие души»?

Если Гете и Жорж-Санд,—возьмем только их, хотя многие поступают так же, как они,—смели жить, следуя влечению сердца, если любовные переживания Гете заполняют собою целые томы, с благоговейным восторгом проглатываемые его почитателями и почитательницами, то почему же осуждать в других то, что у Гете или Жорж-Санд вызывает в нас лишь восторг и восхищение?» [1]).

Мы уже сами теперь готовы смеяться над лицемерами, которые не пожелали бы пожать руку Сары Бернар за ее «безнравственность» или, возмущенные Магдой, покинули бы спектакль. А когда дело идет о «невеликих душах», мы часто колеблемся в выборе критерия личности и не знаем порою, как отнестись к героиням типа свободной, холостой женщины? Но если бы мы в самом деле вздумали применить к этим героиням моральную мерку былых годов, нам пришлось бы отвернуться от наиболее красивых, человечных женских образов современной литературы.

В то время, как женщины прошлого, воспитанные в почитании непорочности мадонны, всячески блюли свою чистоту

[1]) „Женщина и социализм"—А. Бебель.

и скрывали, прятали свои эмоции, выдававшие их естественные потребности плоти, характерной чертой нов й женщины является утверждение себя не только как личности, но и как представительницы пола. Бунт женщины против однобокости сексуальной морали—одна из наиболее ярких черт современной героини.

Это и понятно. Именно у женщины, носительницы будущего, матери, физиология, в противоположность лицемерно навязываемым ей взглядам, играет несравненно большую роль в жизни, чем у мужчины. Свобода чувства, свобода выбора возлюбленного, возможного отца «ее» ребенка, борьба с фетишем «двойной морали»,—такова программа, которую молчаливо проводят в жизнь современные героини—от Ренаты Фукс до Матильды Гауптмана. Типичной чертой женщины прошлого было отречение от власти плоти, ношение «маски непорочности» даже в супружестве. Новая женщина не отрекается от своего «женского естества», она не бежит от жизни и не отстраняет от себя те «земные» радости, какие дарит скупая на улыбки действительность. Современные героини становятся матерями, не будучи замужем, уходят от мужа, любовника, их жизнь может быть богатою любовными перипетиями, и все-таки ни они сами, ни автор, ни современный читатель не сочтут их за «погибшие создания»! В свободных, нелицемерных любовных переживаниях Матильды, Ольги, Маи сокрыта своя этика, быть-может более совершенная, чем пассивная добродетель пушкинской Татьяны, чем трусливая мораль тургеневской Лизы...

Такова новая женщина. Самодисциплина вместо эмоциональности, уменье дорожить своей свободой и независимостью вместо покорности и безличности; утверждение своей индивидуальности вместо наивного старания вобрать и отразить чужой облик «любимого», пред'явление своих прав на «земные» радости вместо лицемерного ношения маски непорочности, наконец, отведение любовным переживаниям подчиненного места в жизни. Перед нами не самка и тень мужчины, перед нами—личность, «Человек-Женщина».

III

Но кто же такие эти холостые новые женщины? Как создала их жизнь?

Холостая новая женщина—дитя крупно-капиталистической системы хозяйства. Холостая женщина, не как редкое, случайное явление, а как явление массовое, будничное, закономерно повторяющееся, родилась вместе с адским грохотом фабричных машин и призывным гудком заводских мастерских. Та колоссальная ломка в условиях народо-хозяйственной деятель-

ности, какая совершается даже на нашей памяти под влиянием новых и новых побед крупно-капиталистического производства, заставляет и женщин в борьбе за существование приспособляться к условиям окружающей действительности. Основной тип женщин находится в тесной зависимости от той исторической ступени развития хозяйства, которую переживает человечество. С изменением условий хозяйства, с эволюцией производственных отношений изменяется и внутренний облик женщины. Новая женщина могла появиться, как тип, только с ростом числа наемных женских трудовых сил.

Полстолетия тому назад на участие женщины в народно-хозяйственной жизни смотрели, как на уклонение от нормы, как на нарушение естественного порядка вещей. Даже радикально настроенные умы, даже социалисты искали способов, чтобы вернуть женщину в дом... Сейчас одни лишь заскорузлые в предрассудках и тупом невежестве реакционеры еще повторяют эти давно превзойденные и отброшенные положения.

Полстолетия тому назад культурные страны насчитывали в рядах своего самодеятельного населения всего десятки, самое большее сотни тысяч женщин. В настоящее время прирост самодеятельного женского населения опережает рост мужского. Не сотнями тысяч, а миллионами женских трудовых сил располагают сейчас культурные народы. Миллионы женщин наравне с мужчинами толкутся на рабочем рынке, тысячи женщин ведут торговые дела, сотни тысяч имеют профессию, служат науке, искусству. В Европе и Северной Америке до 60 миллионов женщин относятся статистикой к числу самодеятельных. Грандиозное шествие женской самостоятельной армии, какого еще не видала история!.. И в этой армии более 50% незамужних, т.-е. таких, которые в борьбе за существование вполне предоставлены своим собственным силам, которые не могут по старой привычке женщин прятаться за спину «кормильца»...

Производственные отношения, в течение долгих веков закрепощавшие женщину за домом, за мужчиной-кормильцем, неожиданно срывают с нее ржавые оковы и, толкая ее, слабую, неподготовленную, на открытый тернистый путь, затягивают в новую петлю—экономической зависимости от капитала. Под угрозой бесприютности, лишений, голода принуждена женщина научиться стоять одна, без поддержки отца или мужа. Женщине приходится наскоро приспособляться к изменившимся условиям своего существования, наспех производить переоценку моральных и житейских «истин», какими снабдили ее бабушки доброго старого времени. С удивлением познает она всю непригодность того морального багажа, какой дали ей на жизненный путь. Веками воспитанные в ней женские добродетели—пассивность, покорность, податливость, мягкость —оказываются совершенно лишними, непригодными, вредными. Суровая действи-

тельность требует от самодеятельных женщин иных свойств: активности, стойкости, решительности, суровости, т.-е. тех «добродетелей», которые до сих пор считались принадлежностью только мужчины. Лишенная привычной опеки семьи, выброшенная из родного гнезда на поле житейской и классовой битвы, женщина принуждена на-ходу, среди обступивших ее непонятно-суровых требований г-жи Жизни, перевооружаться, бронировать себя теми психическими свойствами, какими обладает ее лучше вооруженный для жизненной битвы товарищ—мужчина. В этом спешном приспособлении к новым условиям существования женщина зачастую без критики схватывает и заимствует мужские «правды», которые при ближайшем рассмотрении оказываются «правдами» только буржуазного класса [1]).

Современная капиталистическая действительность вообще как бы стремится выковать из женщины тип, по своему духовному складу стоящий несравненно ближе к мужчине, чем женщина прошлого. Это сближение является естественным и неизбежным следствием вовлечения женщин в круговорот народного хозяйства и общественной жизни. Капиталистический мир щадит лишь тех женщин, которые успевают сбросить с себя женские добродетели и усвоить философию борца за существование, присущую мужчинам. «Неприспособленным», т.-е. женщинам прежнего типа, нет места в рядах самодеятельных. Потому-то и наблюдается своего рода «естественный отбор» среди женщин различных слоев населения: в разряд «самодеятельных» все еще попадают более сильные, более стойкие и самодисциплинированные натуры. Слабые, внутренне-пассивные жмутся к семейному очагу, а если необеспеченность вырывает их из недр семьи, чтобы бросить в водоворот жизни, они безвольно отдаются мутной волне «легальной» или «нелегальной» проституции—вступают в брак по расчету или идут на улицу... Самодеятельные—это передовой отряд женщин, в котором встречаются представительницы различных социальных слоев. Но громадное большинство в этом отряде составляют не гордые своею независимостью Веры Никодимовны, а миллионы закутанных в серые шали Матильд, миллионы босоногих Татьян-рязанских, гонимых нуждою на новую тернистую тропу.

Жестоко ошибаются те, кто верит еще, будто новая холостая женщина есть плод героических усилий сильных, осознавших себя индивидуальностей. Не индивидуальная воля, не при-

---

[1]) Взять хотя бы упрощенную нравственность мужчины в отношении между полами, которая в основу своего мировоззрения кладет проституцию, как явление естественное, неустранимое. Передовая, внутренне свободная героиня романа Винниченко „Честность с собою"—Дора без критики наивно заимствует эту буржуазную мужскую „правду". Во имя „высшей цели", желая проверить глубину, духовность, отрешенность от простого волнения крови ее чувства к Мирону, Дора покупает себе мужчину... Ошибочная мужская классовая „правда" принимается здесь освобождающейся женщиной за высшую истину.

мер смелой Магды или решительной Ренаты создали новую женщину. Перевоспитание психики женщины, ее внутреннего, душевного и духовного строя совершается прежде всего и главным образом в социальных низах, там, где под бичем голода идет приспособление рабочей женщины к резко изменившимся условиям ее существования. Они, эти Матильды и Татьяны, не решают никаких проблем, они всеми силами цепляются за прошлое и, только склонясь перед велением бога истории — производительными силами, нехотя вступают на новую дорогу. Бредут с тоскою, с проклятиями, лелея мечту о доме, о приветливо пылающем очаге, о тихих, незатейливых семейных радостях... Кабы свернуть с дороги, кабы вернуться в прошлое!.. Но плотно сомкнулись ряды товарок, и все дальше от прошлого уносит их женский поток... Приходится приспособиться к душной тесноте, вооружиться для борьбы за свое место, за свое право в жизни. Под властью кирпичного чудовища зарождается и крепнет в женщине рабочего класса сознание своей самостоятельной личности, растет вера в свои силы. Постепенно, неотвратимо и стихийно идет процесс накопления новых моральных и духовных свойств в рабочей женщине, необходимых ей, как представительнице определенного класса. И, что самое существенное, этот процесс перевоспитания внутреннего облика женщины задевает не единицы только, а массы, широкие, необозримые круги. Единичная воля тонет, исчезает в коллективном усилии миллионов женщин рабочего класса приспособиться к новым условиям жизни. Капитализм и здесь работает на широкую ногу: отрывая сотни тысяч женщин от дома, от люльки, он превращает покорных, пассивных семьянинок, послушных слуг мужа и домашнего скарба в целую внушительную армию борцов за свои и общие права, за свои и общие интересы; он будит протест, он воспитывает волю... Личность женщины закаляется, растет...

Но горе той работнице, которая поверит в непобедимую силу одиноко стоящей личности! Колесница капитала равнодушно раздавить ее. Заставить эту колесницу свернуть с дороги могут только плотно сомкнутые ряды восставших... И рядом с сознанием своей личности, своего права, зарождается и прививается новой рабочей женщине чувство коллективности, чувство товарищества. Эмоция, которая лишь слабо развивается у новой женщины других социальных слоев. Это та основная эмоция, та сфера чувств и мыслей, которая проводит резкую грань между самодеятельными, между холостыми женщинами двух основных общественных классов. Несмотря на то, что качественное отличие от женщин прошлого роднит женщин различных социальных слоев, несмотря на то, что вступление в кадры самодеятельных перевоспитывает в одном и том же направлении внутренний облик женщины (развивая ее самостоятельность, укрепляя личность, расширяя душевный мир

ее), сфера мыслей и чувств, вытекающая из классового мироощущения и миропонимания, все дальше и дальше уводит друг от друга новых женщин различных социальных ступеней. Среди самодеятельных классовый антагонизм ощущается несравненно отчетливее, чем среди женщин прежнего типа, лишь по наслышке знавших о неотвратимости социальной борьбы. Для самодеятельной, переступившей за порог своего дома, испытавшей на себе всю силу социальных противоречий, принужденной участвовать активно в борьбе классов, ясная, отчетливая классовая идеология приобретает значение оружия в борьбе за существование. Капиталистическая действительность проводит резкую разграничительную линию между Татьяной Горького и Татьяной Нагродской, она заставляет хозяйку мастерской по своей идеологии стоять значительно дальше от работницы, чем жену-«хозяйку» от «доброй соседки»—жены рабочего, она обостряет ощущение социального антагонизма между самодеятельными... Общим между этой категорией женщин—новых по типу—остается лишь одно: их качественное отличие от женщины прошлого, те специфические свойства, которые характеризуют самостоятельную, холостую женщину. И те и другие переживают период «бунта», и те и другие борются за утверждение своей личности, одни сознательно, «по принципу», другие—стихийно, коллективно, под гнетом неизбежности.

Но в то время, как у женщины рабочего класса борьба за утверждение своего права, отстаивание своей личности совпадает с интересами класса, женщины других социальных слоев наталкиваются на неожиданное препятствие: идеологию своего класса, враждебную перевоспитанию типа женщины. В буржуазной среде «женский бунт» носит гораздо более острый характер, выливается в более рельефную форму и самые душевные драмы новой женщины здесь ярче, красочнее, сложнее [1]). В рабочей среде нет и не может быть остроты коллизий между складывающейся психологией новой женщины и идеологией класса: и то и другое находится в процессе своего формирования, im Werden. Новый тип женщины, внутренне-самостоятельной, независимой, свободной, отвечает той морали, какую вырабатывает, в интересах своего класса, рабочая среда. Рабочему классу для выполнения своей социальной миссии нужна не слуга мужа, не безличная семьянинка, обладающая пассивными женскими добродетелями, а восставшая против всякого порабощения «бунтующая» личность, активный, сознательный и равноправный член коллектива, класса...

---

[1]) Может-быть, этим об'ясняется, что современные романисты выбирают для своих новых героинь почти всегда представительницу буржуазной среды. Героинь рабочего класса крайне мало. А, между тем, какой благодарный материал могли бы найти беллетристы, еслибы решились спуститься в те слои, где современная суровая действительность творит не единицами, а массами тип женщин с новым душевным складом, новыми запросами, новыми переживаниями.

Психология новой, самостоятельной, холостой по типу женщины отражается на облике ее отсталой современницы; черты, вырабатываемые жизнью у женщин кадра самодеятельных, становятся постепенно достоянием и остальных. Что из того, что «самодеятельные» все еще в меньшинстве, что на каждую из них приходится две, даже три женщины былого типа? Самодеятельные женщины дают тон жизни, определяют характерный для данной эпохи образ женщины.

Своей переоценкой моральных и половых норм новые женщины колеблют незыблемость устоев в душе и тех женщин, что еще не вступили на новый, тернистый путь. Догматы, державшие женщину в плену у собственного мировоззрения, теряют свою власть над ее душою. Анельки Сенкевича тают на наших глазах.

Влияние самодеятельных женщин распространяется далеко за пределы их собственного существования. Они отравляют своей критикой умы современниц, они разбивают старые идолы, они поднимают знамя восстания против тех «правд», какими поколениями жили женщины. Освобождая себя, новые, самодеятельные холостые женщины выпускают на свободу и веками закованный дух своих пассивно-отсталых сестер-современниц.

Новая женщина вошла в литературу, но еще далеко не вытеснила героинь прежнего душевного склада, как не вытеснила женщина-человек прежнюю женщину-жену, резонатор. Тем не менее мы замечаем, что у героинь прежнего типа все чаще и чаще встречаются свойства и психологические черточки, которые вносит в жизнь новая, холостая женщина. Художники слова, вовсе не собираясь давать нам «новый тип», невольно снабжают своих героинь эмоциями и чертами, какие совершенно не свойственны были героиням предыдущего литературного периода [1]).

Всего богаче современная литература образами женщин переходного типа, героинями с чертами одновременно и старой и новой женщины. Впрочем, и у сложившихся уже женщин холостого типа идет еще трудный процесс претворения новых начал, глушимых традициями и эмоциями прошлого. Власть веков еще сильна над душою даже новой, даже холостой женщины. Атавистические чувства перебивают и ослабля-

---

[1]) Отдельные психологические черточки, присущие новой женщине, всего чаще встречаются среди русских писателей у героинь Горького. Его чуткая, раскрытая для грядущей правды душа художника легче других схватывает явления, ускользающие от взоров писателей, крепче связанных с капиталистической действительностью. Для Андреева женщина все еще остается „Женой Человека", его „оруженосцем", и только „Катерина Ивановна" является попыткою дать нечто новое. Женщины Сологуба—носительницы „темного", плотского начала и даже его духовная Лиллит („Заложники Жизни") не личность сама по себе, а лишь духовное начало мужчины, его вдохновение, творчество. Что касается Арцыбашева с его радикализмом в области половой морали, то и он дает нам женские образы, проникнутые психологией прошлого.

ют новые переживания, отжившие понятия держат в цепких когтях своих рвущийся на свободу дух женщины. Старое и новое находится в душе женщины в постоянной вражде. Современным героиням приходится поэтому вести борьбу на два фронта: с внешним миром и с глубоко сидящими в них самих склонностями их прародительниц.

«Новые мысли уже родились в нас,—говорит Гедвиг Дом,—а старые еще не отмерли, в нас еще крепко сидят пережитки прошлых поколений, хотя мы и обладаем уже интеллектом новой женщины, ее волевыми стремлениями».

Перевоспитание психики женщины применительно к новым условиям ее экономического и социального существования дается не без глубокой, драматической ломки. Каждый шаг в этом направлении порождает коллизии, совершенно незнакомые героиням прошлого. И эти-то конфликты, разыгрывающиеся в душе женщины, начинают постепенно привлекать к себе взор беллетристов, начинают являться источником художественного вдохновения. Женщина из об'екта трагедии мужской души превращается постепенно в суб'ект самостоятельной трагедии...

II.

Любовь и новая мораль.

В период начавшегося в 1910—1911 г. в России охлаждения к проблемам пола появилось в Германии психо-социологическое исследование сексуального кризиса Греты Мейзель-Хесс [1]). В широкой публике книга успеха не имела: художественно малоценный роман Карин-Михаэлис, смелый лишь до границы, какую позволяет приличие писательского «хорошего тона», незаслуженным шумом заслонил собою незадолго перед тем появившуюся работу Мейзель-Хесс. «Книга талантлива, но не научна», гласил шаблонный приговор. И лишь в интеллигентских верхах, среди «сливок» германского общества она вызвала горячие рукоплескания одних, шипение и негодование других. Такова участь каждого искреннего правдоискателя!

Что книге Мейзель-Хесс нехватает целого ряда научных достоинств—метода исследования, систематики,—что мысль ее скользит и вьется, зачастую возвращаясь к уже сказанному,—нисколько не умаляет значения ее труда.

Свежестью веет от книги, исканием правды проникнуто яркое, темпераментное изложение, в котором преломляется трепетная, много пережившая, богатая женская душа. Мысли Мейзель-Хесс не новы,—не новы в том смысле, что они реют в воздухе, что ими пропитана вся наша моральная атмосфера. Каждый втайне от других передумал, перестрадал проблемы, разбираемые ею, каждый мыслящий человек теми или иными путями пришел к выводам, запечатленным на страницах «Сексуального Кризиса»; но по в'евшемуся в нас лицемерию открыто мы все еще покланяемся старому, мертвому идолу—буржуазной морали. Заслуга Мейзель-Хесс та же, что и ребенка в сказке Андерсена: она посмела со спокойным бесстрашием крикнуть обществу, что «на короле нет рубашки», что современная половая мораль—пустая фикция.

В самом деле, у моральных норм, регулирующих поло-

[1]) Grete Meisel-Hess: „Die Sexuelle Krise". Jena, Didrichs.

ую жизнь, человека могут быть лишь две цели, два назначения: 1) гарантировать человечеству здоровое, нормально-развитое потомство, содействовать половому подбору в интересах расы, 2) способствовать утончению человеческой психики, обогащению его души чувствами товарищеской солидарности, коллективистическими переживаниями. Ни той, ни другой задачи современная мораль, служащая исключительно интересам мамоны—собственности, не выполняет. Весь сложный кодекс современной сексуальной морали, с нерасторжимым моногамным браком, в основе которого лишь в редких случаях лежит «Эрос», с широко распространенным институтом продажной проституции—не только не способствует оздоровлению и улучшению р а с ы, но благоприятствует осуществлению «полового подбора, вывернутого наизнанку». Современная мораль ведет человечество по пути неуклонного вырождения.

Поздние браки и вынужденное «воздержание» в период, наиболее приспособленный для деторождения, или пользование «сесцельной» для р о д а проституцией, отсутствие столь важного для потомства момента «любовного экстаза» в браках по расчету, при нерасторжимом, легальном браке, отцеживание наиболее «великолепных женских экземпляров», способных всего более вызывать эротические эмоции мужчин в б е с п л о д н у ю проституцию, произнесение «смертного приговора» над «детьми любви», незаконными, этими нередко наиболее ценными, здоровыми, цветущими экземплярами рода и т. д.—таковы непосредственные результаты ходячей морали, ведущей к уродованию, ухудшению, физическому и моральному вырождению человеческой расы.

Полного внимания заслуживает попытка Мейзель-Хесс; привести в соответствие сексуальную мораль с задачами «расовой гигиены»,—попытка, представляющая особый интерес для последователей материалистического понимания истории. Защита молодого, трудящегося поколения, охрана материнства и детства, борьба с проституцией и т. п. требования социалистических программ преследуют по существу «гигиену расы» в самом широком ее смысле. Сорвать с сексуальной морали ореол незыблемости «категорического императива», привести ее в соответствие с житейскими, практическими запросами и требованиями прогрессивной части человечества,—эта задача несомненно стоит на очереди и ждет к себе вдумчивого и проникновенного отношения со стороны социалистов.

Как ни ценны мысли Мейзель-Хесс по данному вопросу, вдаваться в анализ этой специальной части ее труда—значит превысить рамки беглого очерка. Поэтому ограничимся лишь рассмотрением другой части сексуальной проблемы и познакомимся с не менее ценными и интересными ответами Мейзель-Хесс на вопрос о том: выполняют ли современные формы хотя

бы вторую свою задачу—служат ли источником обогащения человеческой психики чувствами солидарности, товарищества?

Подвергая последовательному анализу все три основные формы брачного общения между полами: легальный брак, свободный союз и проституцию, Мейзель-Хесс приходит к пессимистическому, но неизбежному выводу, что при капиталистическом строе все три формы одинаково засоряют и извращают человеческую душу, разбивая всякую надежду на длительное и прочное счастье, глубоко-человеческое общение душ. При неизменном, стационарном состоянии психики человека из затяжного «сексуального кризиса» нет выхода.

Распахнуть заповедную дверь, ведущую на вольный воздух, на путь более любовных, более близких, а следовательно и более счастливых отношений между полами может лишь коренное изменение человеческой психики—обогащение ее «любовной потенцией». Последнее же с неизбежной закономерностью требует коренного преобразования социально-экономических отношений, другими словами—перехода к коммунизму.

Каковы главные несовершенства, каковы теневые стороны легального брака? В основу легального брака положены два одинаково ложных принципа: нерасторжимость с одной стороны, представление о «собственности», о безраздельной принадлежности друг другу супругов—с другой.

«Нерасторжимость» брака основывается на противоречащем всей психологической науке представлении о неизменности человеческой психики в течение долгой человеческой жизни. Современная мораль пред'являет достойное смеха требование, чтобы человек во 'что бы то ни стало «нашел свое счастье», она обязывает его сразу и безошибочно найти среди миллионов современников ту гармонирующую с его душею душу, то второе «я», которое одно обеспечивает брачное благополучие. И если человек, а особенно женщина, в поисках за идеалом будет брести ощупью, терзая свое сердце об острые колья житейских разочарований, общество, извращенное современной моралью, вместо того, чтобы спешить на помощь своему несчастному сочлену, начнет мстительной фурией преследовать его своим осуждением. «Счастье, как об'ект общественного насилия,—такова fine fleur нашей половой морали!» Открытую смену любовных союзов современное общество, озабоченное интересами собственности (не «вида» и не индивидуального счастья), готово рассматривать, как величайшее для себя оскорбление. Между тем, остроумно замечает Мейзель-Хесс, «брак подобен квартире: его темные стороны выступают только тогда, когда в нем обживешься. Разумеется, это своего рода «преследование судьбы», если часто приходится менять неудобные и несовершенные квартиры, но еще хуже, если окажешься вынужденным оставаться в неподходящем помещении. «Смена любовных союзов на протяжении долгой человеческой жизни,—говорит

Мейзель-Хесс,—и в процессе развития самой личности—это явление, которое должно быть признано обществом, как нечто нормальное и неизбежное».

«Нерасторжимость» становится еще нелепее, если представить себе, что большинство легальных браков заключается «втемную», что брачущиеся стороны имеют лишь самое смутное представление друг о друге. И не только о психике другого, более того—совершенно не ведают, существует ли то физиологическое сродство, то созвучие телесное, без которого брачное счастье неосуществимо. «Пробные ночи», говорит Мейзель-Хесс, широко практиковавшиеся в Средние века, далеко не «неприличный абсурд»; при иной социальной обстановке в интересах расы, для обеспечения счастья индивидуумов они могут иметь право гражданства.

Представление о собственности, о правах «безраздельного владения» одного супруга другим является вторым моментом, отравляющим легальное супружество. В самом деле, получается величайшая нелепость: двое людей, соприкасающихся только несколькими гранями души, «обязаны» подойти друг к другу всеми сторонами своего многосложного «я». Безраздельность владения ведет к непрерывному, стеснительному для обоих сторон пребыванию друг с другом. Нет ни «своего» времени, ни своей воли, а зачастую, под гнетом материальной зависимости, нет даже «своего угла» отдельно от супруга... Непрерывное пребывание друг с другом, неизбежная «требовательность» к предмету «собственности» превращают даже пылкую любовь в равнодушие, влекут за собою несносные, мелочные придирки. В самом деле, нельзя не согласиться с Мейзель-Хесс, что слишком тесное сожительство губит весенний нежный цвет самой чистой любовной привязанности; сколько надо «бережливости» к другой душе, каким громадным запасом «тепла» надо обладать, чтобы создать возможность весеннему любовному пылу дать к осени сочные, пропитанные солнцем обоюдного тепла плоды глубокой, нерасторжимой душевной привязанности!..

Моменты «нерасторжимости» и «собственности» в легальном браке вредно действуют на психику человека, заставляя его делать наименьшие душевные усилия для сохранения привязанности внешними путями прикованного к нему спутника жизни. Современная форма легального брака беднит душу и уже никоим образом не способствует тому накоплению запасов «великой любви» в человечестве, о котором столько тосковал русский гений—Толстой.

Но еще тяжелее искажает человеческую психологию другая форма сексуального общения—продажная проституция.

«Любовный акт, низведенный на степень профессии, что может быть чудовищнее?»

Оставляя в стороне все социальные бедствия, связанные с проституцией, минуя физические страдания, болезни, урод-

ство и вырождение расы, остановимся лишь на вопросе о влиянии проституции на человеческую психику. Ничто так не опустошает душу, как зло вынужденной продажи и покупки чужих ласк. Проституция тушит любовь в сердцах; от нее в страхе отлетает Эрос, боясь запачкать о забрызганное грязью ложе свои золотые крылышки.

Она уродует нормальные представления людей, она калечит и беднит душу, она урезывает, отнимает у нее самое ценное—способность пылкого, страстного любовного переживания, расширяющего, обогащающего индивидуальность запасом пережитых чувствований. Она искажает наши понятия, заставляя видеть в одном из наиболее серьезных моментов человеческой жизни—в любовном акте, в этом последнем аккорде сложных душевных переживаний, нечто постыдное, низкое, грубо-животное...

Психологическая неполнота ощущений при покупной ласке особенно пагубно отражается на психологии мужчин: мужчина, пользующийся проституцией, в которой отсутствуют все облагораживающие привходящие душевные моменты истинно-эротического экстаза, научается подходить к женщине с «пониженными» запросами, с упрощенной и обесцвеченной психикой. Приученный к покорным, вынужденным ласкам, он уже не присматривается к сложной работе, творящейся в душе его партнера-женщины, он перестает «слышать» ее переживания и улавливать их оттенки. Сколько «женских драм» построено на этой «упрощенной» психике мужчин, формируемой домами терпимости! Проституция неизбежно простирает свои темные крылья и над головой «свободно возлюбленной», и над наивно-влюбленной и потому чутко-требовательной женой; она беспощадно отравляет любовные радости женщин, ищущих в половом акте «последний аккорд» созвучной, гармоничной, всепоглощающей страсти [1]).

Нормальная женщина ищет в любовном общении полноты и гармонии; мужчина, воспитанный на проституции, упуская сложную вибрацию любовных ощущений, следует лишь бледному, однотонному физическому влечению, оставляющему

[1]) Нельзя не отметить здесь, что высказанные Мейзель-Хесс соображения по поводу искажения мужской психологии проституцией, дают ключ и к другому явлению, остававшемуся до сих пор в полной темноте. Непривычка мужчин считаться с психологией женщин, с их переживаниями сказывается не только в неумении прислушиваться к душе женщины, но, более того, она заставляет мужчин с поразительной наивностью игнорировать физиологические переживания женщины в момент наиболее интимного акта. Неудовлетворенность женщин на этой почве хорошо известна лишь медикам и служит причиной частых неравных заболеваний. Поразительно, что беллетристика, окрашенная самодовлеющей психологией мужчин, проходит полным молчанием это явление, бросающее сноп света на целую полосу семейных и любовных драм. Когда Мопассан посмел коснуться этого вопроса в своем романе „Une vie“, („История одной жизни“) его „откровение“ вызвало лишь наивное недоумение большинства мужчин.

по себе ощущение неполноты и душевного голода с обоих сторон. Растет обоюдное «непонимание» полов, и чем выше индивидуальность женщины, тем сложнее ее душевные запросы, тем острее- сексуальный кризис. Проституция опасна именно тем, что ее влияние распространяется далеко за пределы отведенного ей русла.

Оставляя в стороне вопрос о физиологическом вырождении человечества, говорит Мейзель-Хесс, о венерических болезнях, физическом ослаблении рода, надо подумать и о другом психологическом моменте, затемняющем духовные импульсы, засоряющем и извращающем эротическое сознание и ведущем к тому, что мужчина и женщина все меньше понимают друг друга, все меньше умеют наслаждаться друг другом, не злоупотребляя один другим. На границе между процессом физиологических и психических переживаний находится то чувство, которое определяет собою и действие человека, влекущее за собою продолжение рода. И именно это чувство, от которого зависит все—индивидуум и род,—это чувство беспощадно искажают.

Но и в третьей форме брачного общения—свободной любовной связи—имеется много темных сторон. Несовершенства этой брачной формы—отраженного свойства. Современный человек привносит в свободный союз уже изуродованную неверными, нездоровыми моральными представлениями психику, воспитанную легальным супружеством, с одной стороны, и темной бездной проституции—с другой. «Свободная любовь» наталкивается на два неизбежных препятствия: «любовную импотенцию», составляющую сущность нашего распыленного индивидуалистического мира, и отсутствие необходимого досуга для истинно-душевных переживаний. Современному человеку некогда «любить». В обществе, основанном на начале конкурренции, при жесточайшей борьбе за существование, при неизбежной погоне либо за простым куском хлеба, либо за наживой или карьерой—не остается места для культа требовательного и хрупкого «Эроса». Бедная Аспазия напрасно ждала бы в настоящее время за своей украшенной розами трапезой «товарищей» по изысканно тонким любовным радостям; с грубым, недостойным ее по духовному уровню мужчиной не станет делить она трапезы, а «духовно-благородному мужчине» было бы всегда некогда проводить свои вечера у Аспазии.

Мейзель-Хесс метко отмечает распространенное явление: современный мужчина смотрит на «любовь-страсть», как на «величайшее несчастье», какое только может его постигнуть, как на обузу, мешающую осуществлению единственно достойных и существенных задач: завоеванию положения, капитала, достижению прочного места, славы и т. д. Мужчина опасается отравленных стрел Эроса, большого и истинного любовного захвата, могущего отвлечь его от «главного» в жизни. Между

тем, свободная любовная связь, при всем комплексе окружающей жизни, требует несравненно большей затраты времени и душевных сил, чем оформленный брак или беглые покупные ласки. Начиная с того, что душевные притязания свободных возлюбленных друг к другу обыкновенно еще выше чем у легальных супругов, и кончая невероятной затратой времени друг на друга...

На одни «свидания» уходит сколько ценных для «дела» часов! А «тысяча демонов», подкарауливающих пару, связанную исключительно узами любви,—достаточно случайности, временного охлаждения, и разрыв налицо. «Любовная связь» при существующих условиях либо кончается разрывом, либо принимает форму легального брака.

Сильный и цельный мужчина, который без риска мог бы включить «любовь» в комплекс своих жизненных задач,—этот мужчина, по мнению Мейзель-Хесс, «еще не пришел». Оттого мы и видим, что современные мужчины, поглощенные тяжестью дел и задач, предпочитают раскрыть кошелек и обзавестись содержанкой или расплатиться с женщиной своим «именем», взвалив себе на плечи бремя легальной семьи, лишь бы не тратить своего «драгоценного» времени, своей энергии на любовные переживания...

Но и перед женщиной, особенно живущей самостоятельным трудом (а таких 30—40% во всех культурных странах), стоит та же дилемма: любовь или профессия? Положение женщины-профессионалки осложняется еще одним привходящим моментом—материнством. В самом деле, стоит перелистать биографии всех выдающихся женщин, чтобы убедиться в неизбежном конфликте между любовью и материнством, с одной стороны, профессией и призванием — с другой. Может-быть, именно потому, что самостоятельная, «холостая» женщина кладет на весы счастья при свободной любви не только свою душу, но и любимое дело, повышается ее требовательность к мужчине: она взамен ждет щедрой расплаты, «богатейшего дара»—его души.

Свободный союз страдает отсутствием морального момента, сознания «внутреннего долга»; при неизменности же всего сложного комплекса социальных взаимоотношений нет никаких оснований расчитывать, что эта форма брачного общения выведет человечество из тупика сексуального кризиса, как думают адепты «свободной любви».

Выход этот возможен лишь при условии коренного перевоспитания психики,—перевоспитания, требующего, как необходимой предпосылки, изменения и всех тех социальных основ, которые обусловливают собою содержание моральных представлений человечества.

Все предлагаемые в области социальной политики мероприятия и реформы, приводимые Мейзель-Хесс, не представляют чего-либо существенно-нового. Они вполне покрыва-

ются требованиями, значащимися в социалистических программах: экономическая самостоятельность женщины, широкая, всеобъемлющая охрана и обеспечение материнства и детства, борьба с проституцией на экономической почве, устранение самого понятия о законных и незаконных детях, замена церковного брака легко расторжимым гражданским, коренное переустройство общества на коммунистических началах. Заслуга Мейзель-Хесс заключается не в том, что она позаимствовала свои социально-политические требования у социалистов. Гораздо существеннее, что в своих пытливых поисках сексуальной правды она, не будучи «активной социалисткой», набрела бессознательно на единственно приемлемый путь разрешения «половой проблемы». Вся наличность социальных реформ, этих необходимых предпосылок новых брачных отношений, не в состоянии разрешить сексуального кризиса, если одновременно не вырастет великая творческая сила, не повысится сумма «любовной потенции» человечества.

Мейзель-Хесс проникновением своего таланта, интуитивным путем дошла до этого же вывода. Она поняла, что все внимание общества при воспитании и формировании души в области брачных отношений должно быть обращено на эту сторону.

Брачный союз в представлении Мейзель-Хесс,—союз, основанный на глубоком проникновении друг другом, на гармоническом созвучии душ и тел, останется и для будущего человечества идеалом. Но при браке на основе «большой любви» нельзя забывать, что «большая любовь»—редкий дар судьбы, выпадающий на долю немногим избранникам. Великая волшебница «большая любовь», расписывающая чарующими солнечными красками нашу серую жизнь, лишь скупо касается сердец своим зачаровывающим жезлом; миллионы людей никогда не знавали всесилия ее колдующих чар. Что делать этим обездоленным, обойденным? Обречь их на холодные супружеские об'ятия без Эроса? На пользование проституцией? Ставить перед ними, как это делает современное общество, жестокую дилемму: либо «большая любовь», либо эротический голод?

Мейзель-Хесс ищет и находит другой путь: там, где отсутствует «большая любовь», там ее заменяет «любовь-игра». Чтобы «большая любовь» стала достоянием всего человечества, необходимо пройти трудную, облагораживающую душу «школу любви». «Игра-любовь»—это тоже школа, это способ накопления в человеческой психике «любовной потенции».

Что же такое эта «любовь-игра», на которую Мейзель-Хесс возлагает такие большие надежды?

«Любовь-игра» в различных своих проявлениях встречалась на всем протяжении человеческой истории. В общении между древней гетерой и ее «другом», в «галантной любви» между куртизанкой эпохи «Возрождения» и ее «покровителем-любовником», в эротической дружбе между вольной и беззаботной, как птица, гризеткой и ее «товарищем»-студентом—нетрудно отыскать основные элементы этого чувства.

Это не всепоглощающий Эрос с трагическим лицом, требующий полноты и безраздельности обладания, но и не грубый сексуализм, исчерпывающийся физиологическим актом. Сапин с его упрощенной психо-физиологией был бы плохим партнером в «любви-игре», какую рисует Мейзель-Хесс. «Игра-любовь» требует большой тонкости душевной, внимательной чуткости и психологической наблюдательности и потому больше, чем «большая любовь», воспитывает и формирует человеческую душу.

«Любовь-игра» гораздо требовательнее. «Люди, сошедшиеся исключительно на почве обоюдной симпатии, ждущие друг от друга лишь улыбок жизни, не позволят безнаказанно терзать свои души, не пожелают мириться с небрежным отношением к своей личности, игнорировать свой внутренний мир. Любовь-игра, требуя значительно более осторожного, бережного, вдумчивого отношения друг к другу, постепенно отучила бы людей от того бездонного эгоизма, который окрашивает собою все современные любовные переживания. «Внимательное обращение с душою другого, поощряя симпатические чувствования, развивает чуткость, заботливость, деликатность»...

В-третьих, «любовь-игра», не исходя из принципа «безраздельного» обладания, приучает людей давать лишь ту частицу своего «я», которая не обременяет другого, а помогает, наоборот, светлее нести жизнь. Это приучало бы людей, по мнению Мейзель-Хесс, к высшему «целомудрию»—давать всего себя только когда налицо высшая, «священная» глубина и неотвратимость чувства. Сейчас мы все слишком склонны «после первого же поцелуя» посягать на в с ю личность другого и навязывать «целиком» свое сердце, когда на него еще совершенно нет «спроса». Надо помнить, что лишь таинство великой любви дает «права»...

«Любовь-игра» или «эротическая дружба» имеет еще и другия преимущества: она страхует от убийственных стрел Эроса, она научает людей противостоять бремени любовной страсти, порабощающей, раздавливающей индивидуум. Она способствует, как никакая другая форма любви, самосохранению индивидуума, говорит Мейзель-Хесс. «Ужаснейшее явление, которое мы называем насильственным вламыванием в чужое «я», здесь не имеет места». Она исключает величайшее «грехопадение»—потерю своей личности в волнах страсти. Современное человечество живет под «темным знаком страсти», стремящейся

всегда поглотить другое «я». В ответ на любовные притязания жителя земли, обращенные к жительнице Марса (роман Лассвица), марсианка отвечает: «Из окрыленной игры чувств подпала бы я под насильственную власть страсти, потеряла бы свою свободу и должна была бы спуститься с тобою на землю... Ваша земля, быть-может, и больше, и роскошней, но я умерла бы в ее тяжелой атмосфере. Тяжелы, как ваш воздух, ваши сердца. Я же—только Нума»...

Наше время отличается отсутствием «искусства любви»; люди абсолютно не умеют поддерживать светлые, ясные, окрыленные отношения, не знают всей цены «эротической дружбы». Любовь—либо трагедия, раздирающая душу, либо пошлый водевиль. Надо вывести человечество из этого тупика, надо научить людей красивым, ясным и не обременяющим переживаниям. Только пройдя школу эротической дружбы, сделается психика человека способной воспринять «великую любовь», очищенную от ее темных сторон. Всякое любовное переживание (разумеется, не грубо-плоский физиологический акт) не беднит, а обогащает человеческую душу. «Здоровое, богатое человеческое сердце,—говорит Мейзель-Хесс,—и его способность к любовным переживаниям не бутерброд, который постепенно съедается». Любовь—сила, которая приумножается по мере того, как ее затрачиваешь; «любить все глубже, все чаще, все самоотверженней—таков страстной путь каждого большого сердца». Любовь сама по себе великая творческая сила; она расширяет и обогащает психику и того, кто ее испытывает, и того, кому она дарится.

Без любви человечество почувствовало бы себя обокраденным, обездоленным, нищим. Нет никакого сомнения, что любовь станет культом будущего человечества. И сейчас, чтобы бороться, жить, трудиться и творить, человек должен чувствовать себя «утвержденным», «признанным»: «Кто себя чувствует любимым, тот себя чувствует и признанным; из этого сознания рождается высшая жизнерадостность». Но именно это признание своего «я», эта жажда избавления от призрака вечно подкарауливающего нас душевного одиночества не достигается грубым утолением физиологического голода. «Только чувство полной гармонии с любимым существом может утолить эту жажду». Только «большая любовь» даст полное удовлетворение. Любовный кризис тем острее, чем меньше запас любовной потенции, заложенной в человеческих душах, чем ограниченнее социальные скрепы, чем беднее психика человека переживаниями солидарного свойства.

Поднять эту «любовную потенцию», воспитать, подготовить психику человека для воспринятия «большой любви»—такова задача «эротической дружбы».

«Игра-любовь», разумеется, лишь суррогат «большой любви», ее заместительница. «Недостаточная», скажут некоторые.

В таком случае, отвечает Мейзель-Хесс, пусть оглянутся они и подумают над тем, чем замещается теперь любовь, что творится при подмене великого чувства «переодетой» под него проституцией! Какое бездонное лицемерие, какой запас «сексуальной лжи» скопляется в этой области! Первый попавшийся живой пример: жених и невеста стремятся в об'ятия друг друга, но строгая мораль кричит: «еще нельзя». И жених идет к проститутке, которая нисколько не желает его ласк, но должна ему отдаться, а невеста, вся—порыв, обязана ждать разрешающего слова попа. Насколько естественнее и моральнее было бы, еслибы два человека, подталкиваемые тем же запросом, искали утоления друг у друга вместо того, чтобы обрекать на служение своей плоти третье, ни в чем не повинное существо...

Помимо основных социально-экономических предпосылок, у проституции имеется определяющий ее психологический момент, глубоко заложенный в душу: перелить «эротическое вдохновение», не платя за это свободой своей души, своим будущим, не кладя к ногам милого, но чуждого по существу любовного партнера всего своего «я». Надо дать выход этому естественному стремлению. Нельзя набрасывать на каждого неосторожного влюбленного брачную узду. Игра-любовь указывает искомую дорогу. «И если быть искренним, если отбросить лицемерие морали и сексуальную ложь, нет никаких оснований отрицать возможность такого исхода для человечества, стоящего на более высокой ступени культурного развития», говорит Мейзель-Хесс. В самом деле, при наличности ряда социальных реформ (Мейзель-Хесс подчеркивает их, как необходимую предпосылку всех ее моральных выводов), что же преступного в том, если «эротический экстаз» бросил бы двух людей в об'ятия друг друга, при чем тут собственно «ад» или «рай»?

Наконец, рамки «эротической дружбы» весьма растяжимы: вполне возможно, что люди, сошедшиеся на почве легкой влюбленности, свободной симпатии, найдут друг друга, что из «игры» вырастет великая чаровница—большая любовь. Вопрос лишь в том, чтобы создать для этого об'ективную возможность. Каковы же выводы и практические требования Мейзель-Хесс?

Прежде всего, общество должно научиться признавать все формы брачного общения, какие бы непривычные контуры они ни имели, при двух условиях: чтобы они не наносили ущерба расе и не определялись гнетом экономического фактора. Как идеал, остается моногамным союз, основанный на «большой любви». Но «не бессменный» и застывший. Чем сложнее психика человека, тем неизбежнее «смены». «Конкубинат» или «последовательная моногамия»—такова основная форма брака. Но рядом—целая гамма различных видов любовного общения полов в пределах «эротической дружбы».

Второе требование—признание не на словах только, но

и на деле «святости материнства». Общество обязано во всех формах и видах расставить на пути женщины «спасательные станции», чтобы поддержать ее морально и материально в наиболее ответственный период ее жизни.

Наконец, чтобы более свободные отношения не несли за собою «ужаса опустошения» для женщины, необходимо пересмотреть весь моральный багаж, каким снабжают девушку, вступающую на жизненный путь.

Все современное воспитание женщины направлено на то, чтобы замкнуть ее жизнь в любовных эмоциях. Отсюда эти «разбитые сердца», эти поникшие от первого бурного ветра женские образы. Надо распахнуть перед женщиной широкие врата всесторонней жизни, надо закалить ее сердце, надо бронировать ее волю. Пора научить женщину брать любовь, не как основу жизни, а лишь как ступень, как способ выявить свое истинное «я». Пусть и она, подобно мужчине, научится выходить из любовного конфликта не с помятыми крыльями, а с закаленной душою. «Уметь в любую минуту сбросить прошлое и воспринимать жизнь, будто она началась сегодня»,—таков был девиз Гете. Уже брезжит свет, уже намечаются новые женские типы так-называемых «холостых женщин», для которых сокровища жизни не исчерпываются любовью. В области любовных переживаний они не позволяют жизненным волнам управлять их челноком; у руля опытный кормчий—их закаленная в жизненной борьбе воля. И обывательское восклицание «у нее есть прошлое!» перефразируется холостой женщиной: «у нее нет прошлого,—какая чудовищная судьба!»

Пусть не скоро еще станут эти женщины явлением обычным, пусть еще не завтра наступит новый сексуальный порядок—дитя более совершенного социального уклада,—пусть не сразу прекратится затяжной кризис пола, уступая место «морали будущего», дорога найдена, вдали заманчиво светлеет широко раскрытая заповедная дверь... Книга Мейзель-Хесс дает нам Ариаднову нить в сложном лабиринте сексуальных взаимоотношений, запутанных психологических драм. Остается лишь, пользуясь ее ценным клубком мыслей, привести ее выводы в соответствие с основными задачами восходящего класса, отбросить частности, очистить от плевел и мелких неточностей и постараться найти и в этой области, в области сексуальных взаимоотношений, в области «любовной психологии», задатки новой, неизбежно-победной, восходящей «пролетарской культуры».

III.

Отношение между полами и классовая борьба.

Среди многосложных проблем, тревожащих ум и сердце современного человечества, половой проблеме, несомненно, принадлежит одно из первенствующих мест. Нет такой страны, нет такого народа, за исключением легендарных «островитян», где бы вопрос об отношении между полами не принимал все более и более жгучий, наболевший характер. Современное человечество переживает не только острый по форме, но—что гораздо неблагоприятнее и болезненнее, затяжной сексуальный кризис.

Быть-может, на всем длительном пути седой от времени истории человечества не выискать эпохи, когда бы «проблемы пола» занимали в жизни общества такое центральное место, когда бы отношение между полами, подобно фокусу, сосредоточивало и собирало в себе измученные взоры стольких миллионов людей, когда бы сексуальные драмы служили таким неисчерпаемым источником вдохновения представителей всех видов и родов искусства.

Чем дальше длится кризис, чем более хронический характер он принимает, тем безвыходнее представляется положение современников и тем с большим ожесточением набрасывается человечество на всевозможные способы разрешения «проклятого вопроса». Но при каждой новой попытке разрешить проблему пола запутанный клубок взаимных отношений между полами лишь крепче заматывается и, как-будто, не видать той единственной правильной нити, с помощью которой удастся, наконец, совладать с упрямым клубком. Испуганное человечество в исступлении мечется от одной крайности к другой, но заколдованный круг сексуального вопроса остается по-прежнему замкнут.

«Надо вернуться к счастливой старине, надо восстановить былые устои семьи, надо укрепить испытанные морально-половые нормы», решает консервативно настроенная часть человечества. «Надо разрушить все лицемерные запреты отжившего

кодекса сексуальной нравственности, пора сдать в архив эту ненужную, стеснительную ветошь... Индивидуальная совесть, индивидуальная воля каждого—вот единственный законодатель в этом интимном вопросе»,—раздается из лагеря буржуазного индивидуализма. «Разрешение сексуальных проблем осуществится лишь при наступлении коренным образом реформированного общественного и хозяйственного строя»,—утверждают социалисты; но ссылка на будущее, не указывает-ли, что и в наших руках, как-будто, еще нет заповедной нити?..

Возможно-ли в самом деле уже сейчас отыскать или хотя бы наметить «магическую нить», обещающую распутать клубок?

Путь к отысканию этой нити дает нам сама история человеческих обществ, история непрерывной борьбы различных, противоположных по своим интересам и стремлениям социальных групп и классов. Уже не первый раз переживает человечество острый, сексуальный кризис, уже не первый раз отчетливость и ясность ходячих моральных предписаний в области общения между полами расплываются под напором нахлынувшего потока новых моральных ценностей и идеалов. Человечество переживало особенно острый сексуальный кризис в эпоху «Возрождения» и «Реформации», в эпоху, когда совершавшийся великий социальный сдвиг оттеснил на задний план родовитую, гордую, привыкшую к безраздельному господству феодальную знать и очистил место для нароставшей и крепнувшей новой социальной силы—восходящей буржуазии. Кодекс сексуальной морали феодального мира, выросший из недр «родового быта», с его общинным хозяйством, с его родовым, авторитарным началом, поглощавшим индивидуальную волю отдельного члена, столкнулся с новым, чуждым, противоположным кодексом половой нравственности формирующегося буржуазного класса. Сексуальная мораль буржуазии вытекла из принципов, резко противополагавшихся основным моральным началам феодального кодекса: взамен родового начала—выступала строгая индивидуализация, обособление замкнутой «малой семьи», вместо момента «сотрудничества», характерного и для общинного и для районного хозяйства, выступал момент конкуренции, последние остатки коммунистических представлений, свойственных в различной степени всем видоизменениям родового быта, вытравлялись торжествующим принципом индивидуализированной, выделенной, обособленной частной собственности. Растерявшееся человечество столетия металось между двумя столь различными по духу сексуальными кодексами, приспосабливалось, применялось к ним, пока в сложной житейской лаборатории не претворило старых норм в новой закваске и не достигло хотя бы внешней формальной их гармонии.

Но в ту яркую и красочную эпоху «перелома» сексуальный кризис, несмотря на всю свою остроту, не носил такого угрожаю-

щего характера, какой он принимает в наши дни. И прежде всего потому, что «в великие дни» Возрождения, в этот «новый век», когда снопы яркого света новой духовной культуры залили ясными красками монотонную, бедную содержанием жизнь средневекового, отмиравшего мира, морально-половой кризис переживался лишь относительно малой частью общества. Самого многочисленного слоя тогдашнего населения—крестьянства—он касался лишь весьма посредственным образом лишь постольку, поскольку медленным, длительным путем в течение столетий совершалась и здесь перестройка хозяйственных основ, эволюционировали экономические отношения. Там, на верхах социальной лестницы, шла ожесточенная борьба двух противоположных по своим стремлениям социальных миров, там боролись между собою идеалы и нормы двух враждебных мировоззерцаний, там—намечал своих жертв разраставшийся и грозный сексуальный кризис. Крестьянство, неподатливое на новшества, почвенно-устойчивое, продолжало цепко держаться за испытанные устои родовых традиций, унаследованных от прародителей, лишь под давлением крайней необходимости модифицируя, смягчая и приспособляя к изменяющимся условиям своего хозяйственного быта застывший и как-бы выкованный из одного куска сексуально-родовой кодекс морали. «Сексуальный кризис» в эпоху острой борьбы буржуазного и феодального мира обходил «податное сословие», и чем ожесточеннее шла на верхах ломка старых устоев, тем, казалось, крепче держалось крестьянство за свои родовые традиции... Несмотря на непрерывные вихри, проносившиеся над его головой и расшатывавшие самую почву под его ногами, крестьянство, а особенно наше русское крестьянство, ухитрялось через целые столетия в нетронутом и незыблемом виде сохранять основные начала своего морально-полового кодекса.

Иную картину видим мы в настоящее время. «Сексуальный кризис» на этот раз не щадит даже и крестьянства. Подобно инфекционной болезни, не признающей «ни чинов, ни рангов», перекидывается он из дворцов и особняков в скученные кварталы рабочих, заглядывает в мирные обывательские жилища, пробирается и в глухую русскую деревню, намечая своих жертв и в вилле европейского буржуа, и в затхлом подвале рабочей семьи, и в дымной избе крестьянина... От сексуальных драм «нет защиты, нет затворов»... Было бы величайшей ошибкой воображать, что в его темных безднах барахтаются одни представители обеспеченных слоев населения. Мутные волны сексуального кризиса все чаще и чаще захлестывают за порог рабочих жилищ, создавая и здесь драмы, по своей остроте и жгучести не уступающие психологическим переживаниям «утонченно-буржуазного» мира.

Но именно потому, что сексуальный кризис задевает интересы не одних «имущих», что «проблемы пола» стоят на

жизненном пути и столь многочисленного социального слоя, как современный пролетариат, непростительным и непонятным является то равнодушие, с которым обходится этот существенный, этот жгучий, этот наболевший и жизненный вопрос. Среди разнообразных и существенных задач, стоящих на пути рабочего класса в его наступательном движении к осаждаемой крепости «будущего», несомненно, входит и задача построения более здоровых и более радостных отношений между полами.

Откуда же берется это непростительное наше равнодушие к одной из существенных задач рабочего класса? Как об'яснить себе то лицемерное отнесение «сексуальной проблемы» к числу «дел семейных», на которые нет надобности затрачивать коллективных сил и внимания? Как будто отношения между полами и выработка морального кедекса, регулирующего эти отношения, не являлись на всем протяжении истории одним из пейзменных моментов социальной борьбы, как будто отношение между полами в пределах определенной социальной группы не влияло существенным образом на исход борьбы враждующих между собою общественных классов?

Трагизм современного человечества заключается не только в том, что на наших глазах совершается ломка привычных форм общения между полами и принципов, их регулирующих, но еще и в том, что из глубоких и социальных низин подымаются непривычные, свежие ароматы новых жизненных устремлений, отравляющих душу современного человека тоскою по идеалам еще сейчас неосуществимого будущего. Мы, люди капиталистически-собственнического века, века резких классовых противоречий и индивидуалистической морали, все еще живем и мыслим под тяжелым знаком неизбывного, душевного одиночества. Это «одиночество» среди громад людных, зазывающе-разгульных, крикливо-шумных городов, это одиночество в толпе даже близких «друзей и соратников»—заставляет современного человека с болезненной жадностью хвататься за иллюзию «близкой души»,—души, принадлежащей конечно существу другого пола, так как один только «лукавый Эрос» умеет своими чарами, хотя бы на время, разогнать этот мрак неизбывного одиночества...

Быть-может, никогда ни в какую эпоху одиночество души не ощущалось с такой мучительной остротой и настойчивостью, как в наши дни, быть-может, никогда люди так не изнемогали и не падали под его мертвящими очами.

Иначе это и быть не может. Тьма, кажется, всегда особенно непроглядной, когда впереди мерцает огонек.

А перед очами современных «индивидуалистов»—еще лишь слабо скрепленных с коллективом, с другими индивидуумами рядом «симпатических чувствований», заманчиво мерцает новый светоч—изменяющиеся отношения между полами, в которых момент слепого, физиологического начала уступает место твор-

ческому принципу—«товарищеской солидарности». Индивидуалистически-собственническая мораль настоящего начинает казаться особенно мертвящей и гнетущей. В своей критике сексуальных отношений современный человек заходит значительно дальше отрицания отживших внешних форм и кодекса ходячей морали; его одинокая душа ищет «обновления» самой сущности этих отношений, тоскует и стонет о той «великой любви», о том согревающем и творческом начале, которое одно в силах отогнать холодящий призрак душевного одиночества современников-индивидуалистов.

Если «сексуальный кризис» обусловливается на три-четверти внешними социально-экономическими отношениями, то одна четверть его остроты покоится, несомненно, на нашей «утонченно-индивидуалистической психике», взлелеянной господством буржуазной идеологии. Современное человечество в самом деле, как выражается немецкая писательница Мейзель-Хесс, бедно «любовной потенцией». Представители двух полов ищут друг друга в стремлении получить через другого, посредством другого возможно большую долю наслаждений духовных и физических для себя самого. О переживаниях другого лица, о той психологической работе, какая в нем творится—любовный или брачный партнер всего меньше помышляет.

Грубый «индивидуализм», скрашивающий наш век, быть-может, ни в какой другой области не сказывается с такой откровенностью, как именно здесь, в отношении между полами. Человек, убегающий от душевного одиночества, наивно воображает, что достаточно «воспылать любовью», достаточно предъявить свои права на душу другого человека, чтобы обогреться в лучах редкого блага—душевной близости и понимания. Мы, индивидуалисты, с огрубевшей в вечном культе своего «я» душою, мы воображаем, что величайшее счастье—ощущенье разлитой в себе и в близких нам существах «великой любви»—можно захватить, не дав взамен сокровищ своей собственной души!

Мы претендуем всегда на своего любовного «контрагента» целиком и «без раздела», а сами не умеем соблюсти простейшей формулы любви: отнестись с величайшей бережливостью к душе другого. К этой формуле постепенно приучат нас новые, намечающиеся уже между полами отношения, основанные на двух непривычных для нас началах: полной свободе, равенстве и истинной товарищеской солидарности. Но пока человечеству приходится еще цепенеть в холоде душевного одиночества и лишь грезить о том «лучшем веке», где все отношения людские будут согреты лучами «великого эфеба»—солидаристических переживаний, воспитанных новыми жизненными условиями. Сексуальный кризис неразрешим без коренной реформы в области человеческой психики, без увеличения в человечестве «любовной потенции». Но эта психическая реформа все-

дело зависит от коренного переустройства наших социально-экономических отношений на началах коммунизма. Вне этой «старой истины»—не найти исхода.

В самом деле, какие только формы брачного и любовного общения не примеривает к себе современное человечество, и, однако, сексуальный кризис от этого ни на иоту не смягчается.

Такой пестроты брачных отношений еще не знавала история: неразрывный брак с «устойчивой семьей» и рядом преходящая свободная связь, тайный адюльтер в браке и открытое сожительство девушки с ее возлюбленным—«дикий брак», брак парный и брак «втроем», и даже сложная форма брака «вчетвером», не говоря уже о разновидностях продажной проституции. И тут же, бок-о-бок, в крестьянстве—мещанина из остатков старо-родового быта с примесью разлагающих начал буржуазно-индивидуалистической семьи, позор прелюбодеяния и снохачество, свобода в девичестве и все та же «двойная мораль»... Противоречивы и запутаны формы брачного общения современности и можно лишь удивляться, как удается человеку, сохранившему в своей душе веру в незыблемость моральных авторитетов, разобраться в этих противоречиях и лавировать среди всех этих взаимно-уничтожающих друг друга несовместимых моральных предписаниях? Даже обычное самооправдание: «я живу по новой морали»—не спасет, так как «новая мораль» находится еще в процессе своего формирования. Задача в том-то и состоит, чтобы эту намечающуюся мораль, наконец, выявить, чтобы в хаосе противоречивых сексуальных норм современности уловить контур тех принципов, что отвечают духу революционно-прогрессивного класса.

Помимо указанного основного недостатка нашей современной психологии—крайнего индивидуализма, эгоцентричности, доведенной до культа, «сексуальный кризис» обостряется еще и другими двумя типичными моментами, характеризующими психику современника: 1) в'евшимся в нас представлением о собственности друг над другом брачущихся сторон, 2) воспитанном веками предположении о неравенстве и неравноценности полов во всех областях и сферах жизни до половой включительно...

Представление о неот'емлемой собственности супругов с особенной тщательностью культивировалось кодексом морали классом буржуазии, с ее идеалом замкнутой в себе индивидуалистической семьи, всецело построенной на началах частной собственности. В прививке этого представления человеческой психике буржуазия достигла совершенства; понятие о «собственности» супругов в наши дни распространяется даже значительно далее того, что понимал под собственностью кодекс брачных отношений родового быта. За весь долгий исторический период, развивавшийся под знаком «родового начала»,

представление о собственности мужа над женою (за женой, вообще, отрицались права на безраздельное обладание мужем) не распространялось далее обладания чисто-физического. Жена обязана была хранить физиологическую верность мужу, душа ее—принадлежала ей самой.

Даже рыцари признавали за женами право иметь «чичисбеев» (платонических поклонников-друзей) и принимать «обожание» рыцарей и миннезингеров. Идеал безраздельного обладания не только над физическим, но и над духовным «я» своего брачного контрагента, идеал, допускавший пред'явление прав собственности на весь духовный и душевный мир своего любовного партнера—это идеал, всецело воспитанный, взлелеянный, выхоленный руками буржуазного класса в целях укрепления тех семейных устоев, что обеспечивали ее устойчивость и крепость в период борьбы за ее социальное господство. И этот идеал мы не только восприняли по наследству, но готовы выставлять, как незыблемый моральный абсолют!.. Представление о «собственности» заходит далеко за пределы «законных супружеств», оно является неизбежным моментом, вкрапливающимся в самую «свободную» любовную связь. Современный любовник и любовница, при всем «теоретическом» уважении к свободе, абсолютно не удовлетворились бы сознанием физиологической верности своего любовного партнера. Чтобы отгонять от себя вечно сторожащий нас призрак одиночества, мы с непонятной для будущего человечества жестокостью и неделикатностью вламываемся в душу «любимого» нами существа и пред'являем свои права на все тайники его духовного «я». Современный любовник несравненно скорее простит измену физическую, чем «духовную», и каждая частица души, расточаемая за порогами его «свободного» брачного союза, представляется ему непростительным ограблением его лично ему принадлежащих сокровищ в пользу других.

А та наивная неделикатность, которая на этой же почве постоянно творится «влюбленными» по отношению к третьему лицу? Каждому из нас, несомненно, приходилось наблюдать курьезный факт: двое влюбленных, не успев еще как следует познать друг друга, уже спешат пред'явить свои права на все до них создавшиеся личные отношения другого, заглянуть в самое «святая святых» своего партнера... Два, вчера еще чуждых друг другу существа, об'единенных лишь моментом совместных эротических переживаний, спешат запустить руку в душу другого и распоряжаться в этой чужой, непонятной душе, в которой прошлое, пережитое, вытравило ничем не стираемые узоры, как у себя дома. Это представление о «собственности» брачущейся пары заходит так далеко, что нас почти не шокирует такое по существу ненормальное явление, когда «молодые супруги», вчера еще жившие каждый своей раздельной жизнью, сегодня, ничто же сумнящеся, вскрывают коррес-

понденцию друг друга и делают общим достоянием строки третьяго, совершенно непричастного лица, близкого лишь одному из супругов. Такого рода «интимность» может быть куплена только ценою «действительного слияния» душ в процессе долгого совместного товарищеского несения жизненного креста. В обычных же случаях совершается самая недобросовестная «подмена» этой близости, подмена, вызываемая ошибочным представлением о том, что физическая близость двух людей является достаточным основанием для распространения «права собственности» и на духовную сущность друг друга.

Вторичным моментом, искажающим психику современного человека и обостряющим «сексуальный кризис», является понятие о «неравенстве» полов, неравенстве их прав, неравной ценности их психо-физиологических переживаний. «Двойная мораль», присущая и буржуазному, и родовому кодексу, в течение стольких веков отравляла психику мужчин и женщин, что отделаться от ее органически с нами сросшегося яда еще труднее, чем от унаследованных от буржуазной идеологии представлений о собственности супругов. Это понятие о «неравенстве полов» даже в области психо-физиологии заставляет применять постоянно различные мерки к одному и тому же поступку, совершаемому представителями различных полов. И даже самый «передовой человек» буржуазного лагеря, давно перешагнувший через весь кодекс ходячей морали, легко поймает себя на том, что в этом пункте он при расценке поведения мужчины и женщины произнес различный приговор. Достаточно одного грубого примера: представьте себе, что буржуазный интеллигент, «ученый муж», политик, общественный деятель, одним словом «личность» и даже «величина», сходится со своею кухаркой (явление — нередкое!) и даже вступает с ней в законный брак. Изменит ли данный факт отношение буржуазного общества к данному «мужу», бросит ли хотя бы малейшую тень на его нравственные достоинства?

Разумеется, нет! Теперь представьте себе другой случай: уважаемая буржуазная общественная деятельница «доцент», «врач», писательница, не все ли равно!—сходится с лакеем и в довершение «скандала» закрепляет связь законным браком. Как отнесется буржуазное общество к поступку уважаемой дотоле особы? Разумеется, заклеймит ее «презрением». И заметьте: Боже упаси, если ее супруг—лакей будет обладать красивой внешностью или иными «физическими качествами»... Тем хуже! «До чего эта женщина пала», будет гласить тогда приговор лицемерной буржуазии.

Женщине буржуазное общество все еще не прощает, если ее выбор носит черезчур «индивидуальный характер». Это своего рода атавизм: по унаследованной от родового быта традиции, это общество все еще хочет, чтобы женщина считалась в своем выборе с чинами и рангами, с предписаниями семьи и ее

интересами. Оно не умеет выделить женщину из семейной ячейки и рассматривать ее, как самодовлеющую личность, вне замкнутого круга домашних добродетелей и обязанностей.

В своей опеке над женщиной современное общество идет даже далее древнего рода, предписывая ей не только выходить замуж, но и влюбляться лишь в людей, «достойных» ее. Мы на каждом шагу встретим весьма высоких по своему духовному и интеллектуальному уровню мужчин, которые выбрали себе в подруги жизни ничтожнейшее и пустейшее существо, абсолютно не отвечающее духовным достоинствам супруга. Мы принимаем эти факты за явления нормальные, мы даже не останавливаемся на них; самое большее, если «друзья пожалеют Ивана Иваныча за то, что ему попалась такая несносная супруга». И тут же мы всплескиваем руками и почти с осуждением восклицаем: «как могла Мария Петровна, такая выдающаяся женщина, влюбиться в такое ничтожество... После этого я начинаю сомневаться в достоинствах самой Марии Петровны».

Откуда берется этот двоякий критерий? Чем он обусловливается? Несомненно тем, что привитое человечеству веками представление «неравноценности» полов органически вошло в нашу психику. Мы привыкли расценивать женщину не как личность, с индивидуальными качествами и недостатками, безотносительно к ее психо-физиологическим переживаниям, а лишь как придаток мужчины. Мужчина, муж или возлюбленный, бросает на женщину свой отраженный свет, это его, а не ее самое мы еще считаем истинным определителем духовного и морального облика женщины. Личность мужчины, при произнесении над ним общественного приговора, заранее абстрагируется от поступков, связанных с половой сферой. Личность женщины расценивается в тесной связи с ее половой жизнью. Такого рода оценка вытекает из той роли, которую женщина играла в течение веков, и лишь медленно, лишь постепенно совершается или, вернее, намечается переоценка ценностей и в этой существенной сфере. Только изменение экономической роли женщины и вступление ее на самостоятельный трудовой путь может и будет способствовать ослаблению этих ошибочных и лицемерных представлений.

Все три основные момента, искажающие психику современного человека, крайний эгоцентризм, представление о собственности супругов, понятие о неравенстве полов в психо-физиологической сфере—лежат на пути к разрешению сексуальной проблемы. Заповедный ключ, размыкающий этот заколдованный круг, человечество отыщет лишь тогда, когда в его психике накопится достаточный запас утонченных «симпатических чувствований», когда в его душе подымутся любовные потенции, когда фактически утвердится понятие о свободе в брачных и любовных отношениях, когда принцип «товарищества

восторжествует над традиционным представлением о «неравенстве» и подчинении в отношениях между полами. Без коренного перевоспитания нашей психики—проблемы пола неразрешимы.

Но не является ли такого рода предпосылка беспочвенной утопией, отдающей наивными рецептами мечтателей-идеалистов? В самом деле, извольте-ка поднять «любовную потенцию» в человечестве! Не хлопотали ли об этом с незапамятных времен мудрецы всех народов, начиная от Будды и Конфуция, кончая Христом, и, однако, кто взвесит—поднялась-ли «любовная потенция» в человечестве? Свести вопрос о сексуальном кризисе к такого рода благожелательным мечтам—не значит ли попросту, признавшись в своем бессилии, отказаться от поисков «заповедного ключа»?

Так ли это? Является ли на самом деле вопрос о коренном перевоспитании нашей психики в области отношений полов фактом столь неосуществимым, столь далеким от жизненной практики? Не намечаются ли, наоборот, именно сейчас, именно при наличности совершающегося великого социального и народо-хозяйственного сдвига те условия, что вызывают и порождают новые живые начала психических переживаний, совпадающих с намеченными выше требованиями?

На смену буржуазии, с ее классовой идеологией, с ее индивидуалистическим кодексом сексуальной морали, идет другой класс, новая социальная группа... Этот передовой, восходящий класс не может не таить в своих недрах зачатков новых отношений полов, тесно связанных с его классовыми и социальными задачами.

Совершающаяся на наших глазах сложная эволюция экономико-социальных отношений, переворачивающая все наши представления о роли женщины в социальной жизни и подрывающая всякую почву и у буржуазной половой морали, влечет за собою два как будто друг другу противоречащих явления. С одной стороны, мы наблюдаем неустанные попытки человечества приспособиться к новым, изменившимся социально-экономическим условиям, попытки либо удержать «старые формы», влив в них новое содержание (соблюдение внешних обрядностей нерасторжимого, строго-моногамного брака, при признании фактической свободы супругов), либо, наоборот, принятие новых форм, в которых, однако, привносятся все элементы морального кодекса буржуазного брака («свободный союз», в котором начало принудительной собственности свободных супругов друг над другом превосходит все границы даже легальных супружеств). С другой—медленное, но неуклонное выявление новых форм общения между полами, новых не столько по внешности, сколько по духу их оживляющих норм. Неуверенно нащупывает человечество эти новые идеалы, но стоит к ним присмотреться поближе, чтобы, несмотря на все их неоформленности, увнать в них характерные черты, тесно спа-

янные с классовыми задачами пролетариата, которому и предстоит захватить в свои руки осаждаемую крепость будущего. Тому, кто хочет в сложном лабиринте противоречивых, переплетающихся сексуальных норм отыскать зачатки будущих более здоровых отношений между полами, отношений, обещающих вывести человечество из сексуального кризиса, приходится покинуть «культурные кварталы» с их утонченной индивидуалистической психикой и заглянуть в скученные жилища рабочих, где, среди смрада и ужаса, порождаемого капитализмом, среди слез и проклятий, все же пробивают себе путь живые родники...

И здесь, в рабочем классе, под давлением тяжелых экономических условий, под гнетом неослабевающей эксплоатации капитала, наблюдается тот двойной процесс, о котором мы только что говорили: процесс пассивного приспособления и активного противодействия существующей действительности. Разрушительное влияние капитализма, подрывающего все основы рабочей семьи, заставляет пролетариат инстинктивно «приспособляться» к существующим условиям и вызывает целый ряд явлений в области отношений между полами, аналогичных тому, что творится и в других классах населения. Под давлением низкой расценки труда брачный возраст рабочего неуклонно и неизбежно повышается. Если лет 20 тому назад средний брачный возраст рабочего колебался между 22 и 25 годами, то теперь пролетарий обзаводится семьей лишь к 30-ти годам. И чем выше культурные запросы рабочего, чем больше дорожит он возможностью щупать пульс культурной жизни, посещать театры, лекции, читать газеты, журналы, отдавать свой досуг профессиональной борьбе, политике или любимому занятию—искусству, чтению и т. д., тем выше подымается брачный возраст пролетария. Но физиологические потребности не считаются с содержанием кошелька; они настойчиво напоминают о себе. Холостой пролетарий, точно так же, как и холостой буржуа, ищет исхода в проституции. Такого рода явление относится к области «пассивного приспособления» рабочего класса к неблагоприятным условиям его существования. Другой пример. Рабочий женится. Но все та же преграда, все тот же низкий уровень заработной платы заставляет рабочую семью «регулировать» вопрос деторождения, подобно тому, как это делают и буржуазные семьи.

Распространение детоубийства, рост проституции—это все явления одного и того же порядка—все способы пассивного приспособления к окружающей рабочего «каторжной» действительности. Но в этом процессе нет ничего характерного для пролетариата; такого рода приспособление свойственно всем остальным классам и слоям населения, задетым мировым процессом капиталистического развития.

Разграничительная линия начинается лишь там, где вступ-

пают в силу активные, творческие начала, там, где совершается не приспособление, а противодействие пригнетающей действительности, там, где нарождаются и выявляются новые идеалы, там где складываются робкие попытки новых по духу отношений между полами. Этот процесс активного противодействия—намечается исключительно в рабочем классе.

Это не значит, что остальные классы и слои населения, особенно буржуазная интеллигенция, по условиям своего социального существования наиболее близко-стоящая к рабочему классу, не перенимает того «нового», что творит и выращивает в своих глубинах восходящий рабочий класс. Подталкиваемая инстинктивным желанием в свои омертвелые и потому бессильные формы брачного общения вдохнуть новую жизнь, буржуазия хватается за то «новое», что несет с собою рабочий класс. Но ни идеалы, ни кодекс сексуальной морали, постепенно вырабатываемой пролетариатом, не отвечают моральной сущности ее классовых запросов. В то время, как сексуальная мораль, выростающая из запросов рабочего класса, служит новым орудием социальной борьбы данного класса, «новшества», перенимаемые буржуазией, лишь окончательно расшатывают устои ее социального господства. Поясним эту мысль примером.

Попытка буржуазной интеллигенции заменить ненарушимый брачный союз более свободными, легко-расторжимыми узами гражданского брака подрывает неотъемлемые основы социальной устойчивости буржуазии—моногамно-собственническую семью.

Напротив, для рабочего класса большая «текучесть», меньшая закрепленность общения полов вполне совпадают и даже непосредственно вытекают из основных задач данного класса. Отрицание момента «подчинения» в супружестве—точно так же нарушает последние искусственные скрепы буржуазной семьи. Напротив, момент «подчинения» одного члена класса другим точно так же, как момент «собственности»—по существу враждебен психике пролетариата. Не в интересах класса «закреплять» за отдельным членом революционного класса самостоятельного его представителя, долженствующего прежде всего служить интересам класса, а не выделенной и обособленной семейной ячейке. Частые конфликты между интересами семьи и класса, хотя бы при стачках, при участии в борьбе, и та моральная мерка, которую в таких случаях применяет пролетариат, с достаточной ясностью характеризуют основу новой пролетарской идеологии...

Представьте себе почтенного финансиста, в критический для предприятия момент вынимающего свой капитал из дела в интересах семьи. Оценка его поступка с точки зрения буржуазной морали—ясна. «Интересы семьи»—на первом плане. Теперь сопоставьте с этим отношение рабочих к штрейкбрехеру, идущему на-перекор товарищам на работу во вре-

мя стачки ради спасения семьи от голода... Интересы класса — на первом плане... Дальше, представьте себе буржуазного мужа, своей любовью и преданностью семье сумевшего отвлечь жену от всяких интересов вне дома и окончательно закрепившего ее за детской и кухней. «Идеальный муж, сумевший создать и идеальную семью»—будет гласить буржуазный приговор. А как же отнесутся рабочие к «сознательному» своему члену, который будет «отвращать» взоры своей жены или возлюбленной от социальной борьбы? В ущерб индивидуальному счастью, в ущерб семье—мораль рабочего класса будет требовать участия и женщины в жизни, развертывающейся за порогами дома. «Закрепление» женщины за домом, выдвиганье на первый план интересов семьи, распространение прав безраздельной собственности одного супруга над другим—все это явления, нарушающие основной принцип идеологии рабочего класса—«товарищеской солидарности», разрывающие цепь классовой сплоченности. Понятие собственности одной личности над другой, представление о «подчинении» и «неравенстве» членов одного и того-же класса противоречит самой сущности основного пролетарского принципа — «товарищества». Это начало, лежащее в основе идеологии восходящего класса, окрашивает и определяет собою весь тот новый, формирующийся кодекс сексуальной морали пролетариата, с помощью которого перевоспитается и психология человечества в духе накопления «симпатических чувствований», свободы—вместо собственности, товарищества—вместо неравенства и подчинения...

Старая истина, что каждый новый восходящий класс, порождаемый отличной от предыдущей ступени хозяйственного развития материальной культурой, обогащает и человечество новой, свойственной именно данном классу идеологией. Сексуальный кодекс морали составляет неотъемлемую часть этой идеологии. Однако, стоит заговорить о «пролетарской этике» и «пролетарской сексуальной морали», чтобы натолкнуться на шаблонное возражение: пролетарская половая мораль—есть не более, как «надстройка»; раньше, чем не изменится вся экономическая база, ей не может быть места... Как-будто идеология какого-либо класса складывается тогда, когда уже совершился перелом в социально-экономических отношениях, обеспечивающий господство данного класса! Весь опыт истории учит нас, что выработка идеологии социальной группы, а следовательно и сексуальной морали, совершается в самом процессе многотрудной борьбы данной группы с враждебными социальными силами.

Только с помощью творимых в недрах его новых духовных ценностей, отвечающих задачам восходящего класса, удается этому борющемуся классу укрепить свои социальные позиции, только путем новых норм и идеалов может он успешно

отвоевывать власть у антагонистических ему общественных групп.

Выискать тот основной критерий морали, что порождается специфическими интересами рабочего класса, и привести в соответствие с ним нарождающиеся сексуальные нормы—такова задача, которая требует своего разрешения со стороны идеологов рабочего класса.

Пора понять, что, только нащупав тот творческий процесс, что совершается там, в глубоких социальных низинах, и формирует новые запросы, новые идеалы и нормы,—только выявив основы половой морали восходящего, передового класса, возможно разобраться в противоречивом хаосе сексуальных отношений и набрести на ту заповедную нить, что дает возможность распутать туго скрученный клубок сексуальной проблемы...

Пора вспомнить, что приведенный в соответствие с основными задачами класса кодекс сексуальной морали может служить могучим орудием для укрепления боевой позиции восходящего класса... Опыт истории чему-нибудь да учит. Что может помешать воспользоваться им в интересах класса рабочих, борющегося за коммунистический строй и за новые, более совершенные, полные и радостные отношения между полами?
